

Бахтияр Вагаб-Заде

СП

Бахтияр Вагаб-Заде

Простые
люди

*Перевод с азербайджанского
Эдуарда Асадова*

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва 1958

ВСТРЕЧА

С дорожным чемоданом на рассвете
Шел юноша по улице села.
Его дорога дальняя вела,
А в спину дул попутный теплый ветер.
Шел в город деревенский паренек.
Пред ним светлели голубые дали,
А вслед прощально ветками махали
Деревья, что стояли вдоль дорог.
Три дня шел ливень, воя и крутясь;
Повсюду в кашу развезло дороги.
И парень шел, меся густую грязь,
Порой с трудом вытаскивая ноги...

И вот идет он, устали не зная.
 Но что же парню силы придает?
 Ответ простой: горячая, живая
 Мечта, мечта зовет его вперед!
 И всё же в сердце, если разобраться,
 Живут два чувства: радость и печаль.
 Хоть он и рад, но все-таки расстаться
 С родной семьей всегда бывает жаль...
 Он издали глядит на отчий дом,
 На рощу, что темнеет над бугром,
 На дуб и на лужайку за рекой —
 На все он смотрит с лаской и тоской.
 — В Баку, я слышал, нет ни ручейков,
 Ни зелени, ни птиц и ни цветов.
 И хоть светла там и мудра наука,
 Но как мне жить без милого Гюрмюка¹?
 Гюрмюк, Гюрмюк — товарищ дорогой!
 Как часто я с волной твоей играл,
 Как часто в полдень, утомлен жарой,
 В твою струю прохладную нырял...
 Ты помнишь, как я в детстве уплывал
 Ловить ершей на утлом челноке,
 Как в роще ежевику собирал
 И загорал на ласковом песке? —
 Идет вперед по слякоти дорог
 Не знающий унынья паренек.
 Идет и машет ласково рукою
 Знакомым рощам, нивам и садам.
 И снова в путь: к надеждам и мечтам,
 Туда, где утро вспыхнуло зарею.

¹ Название реки.

* * *

Под липой, с чемоданчиком в руках,
 Стояла незнакомка молодая,
 Следы дождя, головку украшая,
 Алмазами сверкали в волосах.
 Беспомощно и жалко улыбаясь,
 Она смотрела на густую грязь.
 Тут наш герой, на сушу выбираясь,
 К ней подошел, приветливо смеясь.
 Камыш, шурша, качался на болоте,
 На юг тянулись с криком журавли...
 Он вдруг спросил:
 — А вы куда идете?
 — Иду, — она сказала, — в Чешмали.
 — Наверно, в гости?
 — Нет, работать буду.
 В селе библиотеку мне дают.
 — О, это славно!
 Книгу любят всюду!
 У вас на редкость благородный труд! —
 И вновь спросил:
 — А что ж вы тут стоите?
 — Калошу потеряла на пути.
 Она застряла в луже. Помогите.
 Не то мне до деревни не дойти! —
 Он улыбнулся:
 — Ишь как не везет!
 Ну, ничего, в беде я вас не брошу! —
 Он по дороге чуть прошел вперед
 И отыскал злосчастную калошу.

На туфельку изящную, резную
 Надела ту калошу незнакомка.
 Потом сказала пареньку негромко:
 — Ну, мне пора!
 А вас благодарю я... —
 Как ни тонка была знакомства нить,
 Но жалко рвать. Что ж делать?
 Как им быть?
 Они, смутясь, вдруг оба замолчали,
 Сердца их в такт порывисто стучали.
 Нет, им теперь друг друга не забыть!
 На ветке звонко распевала птица,
 Заря бледнела... разгорался день...
 Листва бросала ласковую тень
 На их румянцем вспыхнувшие лица...
 — От слякоти, от грязи и дождя
 Устала я... Хоть впору возвратиться.
 — Так вы, и до села-то не дойдя,
 Уж пали духом?
 Это не годится!
 — Но я всю жизнь ведь в городе жила,
 А город всех, по-моему, влечет.
 И мне, признаюсь, он милей села.
 — А мне, клянусь, как раз наоборот!
 Я — сельский житель.
 Я привык к садам,
 К полям зеленым, чистым родникам.
 И вот иду и думаю о том,
 Как буду жить я в городе большом.
 Спешу учиться и не знаю сам,
 Где стану жить. Отыщутся ль друзья?
 — Так вот вам адрес! Заходите к нам.

Ведь там в Баку живет моя семья!
 — Зайду, спасибо. Ну, а как же с вами?
 В селе живут мои отец и мать.
 Идите к ним.
 С моими стариками,
 Клянусь вам, вы не станете скучать!... —
 Тут шел обмен не только адресами,
 Тут шел обмен горячими сердцами.
 — Так, говорите, вас зовут Ризваном?
 — А вас Улкер? —
 Знакомство состоялось.
 Пред их глазами все сейчас смеялось!
 Все золотым подернулось туманом...
 Огонь любви! Живой огонь любви!
 Ты возникаешь в трепетной крови.
 Ты людям души солнцем озаряешь,
 Ты даришь радость и несешь печаль,
 Ты гонишь вспять и увлекаешь вдаль,
 Ты жизнь даешь и насмерть поражаешь!
 Ты — сталь клинка и нежный запах розы.
 Даешь ты силы пламенем своим
 И юношам и старикам седым.
 Ты смех рождаешь и рождаешь слезы.
 Героя ты на подвиг вдохновляешь,
 Ты мчишь мечту быстрей, чем резвый конь.
 Ты города в пустынях воздвигаешь —
 О сердца жар!
 Живой любви огонь!

Пусть каждый вдаль пошел своей дорогой,
 Вложивши чувство, будто в ножны меч,
 Но сердце билось сладкою тревогой,

Твердя о счастье новых, светлых встреч...
Вот обернулась девушка назад.
Ее глаза, печальные доселе,
Вдруг сразу оживились, потеплели,
Лучами звезд блеснул девичий взгляд.
Мечты не знают ни преград, ни мер.
Ризван шагал и думал все о том,
Что вот теперь еще одна Улкер¹
Взойдет, сверкая, над его селом.

* * *

Улкер по сельской улице идет.
И странно: ей так просто, словно дома,
Встречаясь с ней, ей всякий руку жмет,
Как будто с каждым здесь она знакома.
— Салам алейкум!
Здравствуйте!
Привет! —
Улкер спросила, рдея от волненья:
— Скажите, как пройти мне в сельсовет
Или хотя б в колхозное правление? —
Дед Шираслан, прикрыв калитку сада,
Сказал Улкер:
— Пойдем, я проведу.
— Ну, что вы, что вы, дедушка!
Не надо!
Идти вам трудно.
Я сама найду!
— Дорога, дочка, мне не тяжела.

А гостя мы привыкли уважать.
В селе ты можешь долго проплутать,
Ведь ты не знаешь нашего села. —
Улкер была в восторге. В сердце ей
Проникла гордость, гордость за людей:
Они о ней ведь ничего не знают,
А так тепло, так ласково встречают!
«А как сюда я ехать не хотела!
Министру даже жаловалась я.
«Служить в деревне —
Гибельное дело! —
Со страхом говорили мне друзья. —
В селе культуры и в помине нет.
Книг там и не читают, вероятно.
Народ там груб, и это не секрет.
Пробудешь день — и удерешь обратно!»
Друзья!
Когда б вы побывали тут,
Вам и самим бы тотчас стало ясно,
Что книгу здесь полюбят и поймут.
Нет, я трудиться буду не напрасно!»

ПЕРВАЯ НОЧЬ

И вот Улкер уже в семье Ризвана.
Ей тут уютно, просто и тепло.
Она под вечер на балкон выходит
И с любопытством смотрит на село.
Вдали садится солнце за холмами...
Из чьей-то печи вьется легкий дым...
И этот дым, и крыши, и деревья —
Все кажется багряно-золотым...

¹ По-азербайджански — звезда.

Смеркается.
Плывет туман над речкой...
Росю умывается трава,
К атласу платья небо пришивает
Пунцовые густые кружева.
Вдали, сквозь листья
Стройных тополей,
Темнеют гор размашистые плечи,
А выше, упираясь в свод небес,
Горят заката огненные свечи...
— Ты что стоишь здесь, дочка?
— Ничего.
Смотрю, как спать готовится село.
— Смотри, смотри, да только не простынь.
Тут вечером не слишком-то тепло. —
У тети Пери добрые глаза.
Она несет с улыбкою платок.
— Набрось на плечи.
Не скучай, гляди.
Эх, тут любил сидеть и мой сынок...
Тебе село в новинку. Не беда!
Еще ты глянешь на него влюбленно.
Ведь даже в новом платье человек
Себя вначале чувствует стесненно.
Поверь, дочурка, ты село полюбишь.
Идем же в дом!
Ночь нынче не тепла! —
И тетя Пери, взяв Улкер за плечи,
Ее с балкона нежно увела.
Улкер и Пери за столом сидят,
Колелеет ветер полог тонких штор.
Дымится в чашках ароматный чай,

Идет неторопливый разговор:
— Работаю я, дочка, в нашей школе.
Мету полы, звонок даю с утра,
Старик твердит мне: «Хватит, потрудились,
Тебе давно на пенсию пора».
Но я привыкла к школе, к ребятишкам.
Без них и дня прожить я не могу.
Едва пройдет, допустим, воскресенье,
Уж я с рассветом не иду — бегу!
Я в школе тридцать лет даю звонки,
Я тридцать лет люблюсь на ребят,
И всякий раз мне сердце веселят
Их взглядов золотые огоньки.
Все время провожу я с детворой —
Веду их в класс и отвожу домой.
И так скажу я, правды не тая:
Нет должности прекрасней, чем моя! —
Ночь.
Где-то воеет жалобно шакал,
В саду ночная прокричала птица...
Луна глядит в раскрытое окно.
Все в доме спят.
Одной Улкер не спится.
Все непривычно ей:
И лай собак,
И крик совы, и стуки колотушки.
Улкер, вздыхая, вспоминает дом
И смотрит в ночь, припав щекой к подушке.
Но постепенно ухо привыкает
К далеким звукам.
В доме тишина...
Улкер смежила медленно ресницы,

И вот она уже во власти сна...
Но в это время голос странной птицы
Пропел какой-то горестный мотив.
От песни этой реки и долины
Умолкли, вдруг дыханье затаив.
— Буп-бу, буп-бу..
И вновь:
— Буп-бу, буп-бу.
Ночная птица плакала, стонала...
Улкер с постели спрыгнула, дрожа.
— Ой, что это?! —
Вмиг сна как не бывало!
В протяжном крике слышались мольбы,
Стенанья и бессильные угрозы.
Тоскливо сжалось сердце у Улкер,
А на ресницы навернулись слезы.
— Буп-бу,
Буп-бу, —
Летел протяжный крик.
Улкер, усилие сделав над собою,
В окно взглянула и спросила вновь:
— Ах, тетя Пери, что это такое?
— Улкер, дочурка, что с тобой, скажи?
— Ой, тетя Пери, ты постой, послушай:
«Буп-бу»,
«Буп-бу»
Кто это там кричит?
Он рвет мне сердце, он терзает душу!
— Кричит там птица бедная одна,
Исхак-мусак.
Ей грустно, горько жить.
— А почему?

О чем кричит она?
— О, это надо долго говорить. —
Улкер прижалась к женщине плечом:
— Ну, тетя Пери, я тебя прошу.
О чем грустит та птица?
Расскажи.
— Ну ладно, слушай, дочка. Расскажу.

ЛЕГЕНДА О ПТИЦЕ ИСХАК-МУСАК

— «Давно,
Когда туч достигали леса,
Тут жили два брата —
Иса и Муса.
Чтоб голод не грыз их,
Они постоянно
Отару пасли
У жестокого хана.
Однажды пришли к ним
Тяжелые дни.
С отарой в долину
Спустились они.
Когда ж просчитали
Хозяйских овец —
Одной не хватило...
— Спаси нас, творец!
Теперь нам не в силах
Помочь и коран.
Безжалостно с нами
Расправится хан. —
Они не ошиблись:

Разгневавшись дико,
Взревел, точно бык,
Их жестокий владыка.
Он братьев велел
Не поить, не кормить,
Прогнать, как собак,
И за труд не платить.
В пути их ничей
Пусть не встретит приют.
Покуда пропажи
Они не найдут.
Вот тут-то мгновенно
В двух птиц обратясь,
Два брата вспорхнули
И скрылись из глаз.
С тех пор и летают
Они по горам.
Всё ищут овцу
И кричат по ночам.
Ни днем и ни ночью
Нет братьям покоя:
То кружат над лесом,
То мчат над горою,
То садут на ветвь
Одинокой сосны,
То бродят в долине
При свете луны.
Ночами,
Когда засыпают сады,
Встречаются братья
У горной гряды.
На разных вершинах

Усядутся птицы,
И стоны их часто
Слышны до зарницы.
Тоскливо во мраке
Звучат голоса:
— Иса! — Муса!
— Иса! — Муса! —
Еще один год
Бесполезно прошел.
— Нашел ты овцу? Не нашел?!
— Не нашел. —
И снова летят
Полуночные стражи
На поиски грустной
И давней пропажи.
Покоя им нет
Ни на час, ни на миг,
Так вот почему
Так печален их крик». —
Умолкла тетя Пери. За окном
Опять раздался крик печальной птицы.
Легендою взволнована Улкер.
Уснуть бы надо, но никак не спится.

* * *

Уж скоро полночь.
В доме тишина.
Каштан шуршит за окнами листвою...
Улкер вздыхает: скорбный птичий крик
Стоит в ушах и не дает покою.
Тот грустный голос, думает Улкер,

Вобрал в себя тоску и боль народа,
 Что сотни лет на ханов спину гнул
 И сотни лет мечтал найти свободу.
 Но как найти — народ тогда не знал
 И только в песнях ханов проклинал.
 Немало было в прошлом горемык,
 Ушедших из родных своих селений
 И в поисках овцы или коня
 Бродивших по дорогам, словно тени.
 Однако дело вовсе не в овце:
 Бродя в горах и замерзая в поле,
 Искали люди не одну овцу,
 Они искали новой, лучшей доли.
 — Иса!
 — Муса!
 — Нашел?
 — Да нет пока что... —
 И вновь звучит печальное:
 Буп-бу!
 Что им овца?! Не скот искали братья,
 А светлую, счастливую судьбу.
 «Весь корень зла, — подумала Улкер, —
 Был в рабской жизни и в людских страданиях.
 Вот почему так много горьких слез
 В народных песнях, сказках и преданьях.
 Со дна ущелья, где царит лишь мрак,
 Ты рвался к солнцу из последних сил.
 Народ мой славный,
 Мой родной народ!
 Ты вынес всё, дошел и победил!»
 Простая и нехитрая легенда
 Порою крепко в душу западет.

Люби ее!
 Она тебе расскажет
 О том, как жил когда-то твой народ!

ПЕРВЫЕ ДНИ

Все в мире может доставить
 человеку наслаждение, если он
 этого хочет.

А. И. Герцен

В библиотеке, что в центре села,
 Утром Улкер принимала дела.
 Скверно работал наш старый Вели.
 Впрочем, чего было ждать от профана,
 Если он часто не мог отличить
 Пьесу от басни и стих от романа!
 Всем захотелось взглянуть на Улкер,
 Словом иль шуткою с ней обменяться.
 Вечером в клубе народу — битком,
 К библиотекарше не протолкаться!

Мчались недели... Работы по горло...
 Некогда, кажется, и отдохнуть.
 Все же Улкер, как-то выбрав минутку,
 Вышла, чтоб свежего ветра глотнуть.
 Ей непривычны такие дороги:
 То на пути попадется родник,
 То через лужу она перескочит,
 То перепрыгнет вдруг через арык,
 То вдруг на камень она натолкнется,
 То на ухабе запнется. Беда!

Ну и дорогой:

Пригорки да ямки,
Палки да глина, песок да вода!
Туфли с высокими каблуками
Созданы не для дорог каменистых.
В туфельках этих гораздо удобней
В парке бродить среди кленов тенистых.
Нет, не привыкла пока что Улкер
Лазать по кручам и склонам покатым,
Прыгать на камни, бродить среди скал —
Это под силу лишь сельским девчатам.
Вдруг увидала Улкер впереди
Школьников с ранцами за плечами.
Шли они быстро по горной тропе,
Дружно постукивая каблуками.
Мальчики бойко о чем-то болтали.
Смех их подобен был тоненьким струнам:
Девушка вдруг улыбнулась невольно,
Завороженная щебетом юным.

— Друзья! —

Сказал вихрастый паренек, —
Она точь-в-точь наш школьный педагог.
— Ты прав, Турадж, — сказал другой. —
Она,
Как Джамиля, красива и стройна. —
А третий молвил:

— Сходство есть во всем:
Прическа — та же, да и платье то же.
Да что прическа?! Туфли-то и те
Такие ж точно из зеленой кожи.

— Я слышал, что она бакинский житель,
А вот теперь работать хочет тут.
Да ей, наверно, скоро здесь наскучит.

— Товарищи, а как ее зовут? —

Улкер с улыбкой к детям подошла
И прогуляться вместе предложила.
Ребята шли, не раскрывая ртов.

— Как вас зовут? —

Она у них спросила.

— Турадж.

— Коярчин.

— Сусен.

— Чичекь.

— Вы говорили, будто я немного

На вашего похожа педагога?

Но имени не разобрала я. —

Сусен за всех ответил:

— Джамиля.

— Ей предан, без сомненья, весь ваш класс?

Да и она, конечно, любит вас?

— Мы все привыкли, привязались к ней, —

Сказал Турадж, —

Как к матери своей.

— К нам из Баку приехала она.

И вот в деревне прозябать должна.

Народ простой тут. С кем ей поделиться?

Конечно, ведь деревня — не столица!

— Я поняла: в деревню из Баку

Приехала работать Джамиля.

И тут в селе она такой же гость

И новичок такой же, как и я?

— Нет, выросла она у нас в селе,

Но институт окончила в столице!
И всем нам очень грустно, что она
Опять в Баку мечтает возвратиться.
— Зачем же рвется Джамиля в Баку?
— Ну, а чего хорошего в селе?
Она нередко с грустью говорит,
Что жить в деревне — значит жить во мгле.
К чему стоять чинаре без листвы?
Зачем томиться в клетке соловью?
Судите сами:
Ну зачем же ей
Губить в деревне молодость свою?!

Она так интересно говорит
О парках, о театрах и музеях,
Что каждому, кто слушает ее,
Удрать отсюда хочется скорее. —
Ушли ребята.
Иволга поет.
Улкер сидит задумчиво над кручей.
День так же светел,
Но над головой
Повисла грусть холодной серой тучей.
Улкер живет в селе еще недавно,
И хоть пока все складывалось славно,
Однако не ошиблась ли она?
Не побежит ли в панике назад?
Коль даже сами жители села
Удрать скорее в город норовят.
Орел кругами ходит в вышине,
Внизу склонилась ива над ручьем...
Улкер не замечает ничего,
Печально размышляя о своем.

Она несется мыслями в Баку.
Сейчас ей не до звонкого ручья.
«Улкер! Не езд!»
«Пропадешь в селе!» —
Бывало, говорили ей друзья.
«Да, звездочка, померкнешь в цвете лет!» —
Пугал ее с усмешкою Афет.
«Но разве и сама не знала я
Того, о чем твердили мне друзья?
Не знала разве, что в селе со мной
Не будет обстановки городской?!

Но коль на села все махнут рукой
И будут рваться только в города, —
Кто будет сеять и растить хлеба?
Что станет с деревнею тогда?
Нетрудно жить в уюте городском,
Жить, понимая лишь в удобствах толк.
Но совесть для чего тогда у нас?
Зачем тогда нам дан гражданский долг?!

За счастье наши деды и отцы
Прошли сквозь смерть и тысячи лишений.
Так нам ли рваться к тепленьким местам
И жить лишь для веселых развлечений?!

А наш геройский, славный комсомол,
Он шел к победе сквозь огонь войны.
И, с танков пересев на трактора,
Ушел вздымать просторы целины!
Расставшись с отчим домом и семьей,
Ведет комбайн целинник молодой.
Ужели здесь, в глухих краях степных,
Он вовсе не скучает о родных?
А если да, то что ж его ведет

В пустынный край сквозь трудности вперед?
Любовь к Отчизне!
Тут один ответ.
В нем — гордый смысл.
В нем высшей правды свет.
И тот, кто честно ходит по земле,
Тот не зачахнет ни в каком селе».

* * *

Улкер на гору медленно взошла.
В груди порхало сердце легкой птицей.
И то, что вдруг предстало перед ней,
Казалось светлой, радостной страницей.
Она прочла немало разных книг,
Она страниц немало пролистала,
А вот живой страницы никогда
Улкер еще нигде не открывала.
Девчата в поле под горячим солнцем
Собирают хлопок.
Спорится их труд.
Они корзины быстро наполняют
Чудесным снегом.
И поют, поют...
Здесь полуденный несгнанный зной
Снежинки не растопит ни одной.
Тюки растут все выше, все пышней,
А солнце без пощады жжет людей.
«У них же нет ни матовых очков,
Ни даже самых крохотных зонтов.

И в час, когда здесь так бывает жарко,
Мы пьем сидро в густой прохладе парка.
Мы любим бархат и, как говорится,
«Воротим нос» от скромненького ситца.
Мы — городские.
Что нам до селенья?!

Нам дайте ткани, дайте развлеченья!
И я, к стыду, ни разу не пожалала
Руки, что эти ткани создавала!
Пойду-ка я сейчас в бригадный стан», —
Улкер решила и пошла по тропке.
Тропа вилась меж зарослей густых,
Под солнцем созревающего хлопка.
Все были в поле, лишь одна старушка
Под тентом люльку детскую качала.
Ребенок спал.
Шуршал листовую тополь,
Старушка что-то тихо напевала.
— А, здравствуй, дочка!,
— Здравствуйте, бабуся!
— Ты подождешь минутку?
— Подожду!
— Вот и отлично, заходи под крышу.
Я уложу ребенка и приду. —
Просторное дощатое строенье,
Некрашенный массивный потолок,
Пол выметен прилежною рукою,
На тумбочке стоял большой цветок.
Улкер вошла.
— Да здесь же целый клуб! —
На полках книги, всюду масса света.
Ильич с улыбкой смотрит со стены.

У входа диаграмма, стенгазета.
А вон журналы высятся горой,
Газетные подшивки вереницей.
Улкер к столу поспешно подошла
И стала перелистывать страницы.
Но странно: все газеты почему-то
Желты, как листья раннею зимой.
Улкер на даты быстро посмотрела.
Стары газеты. Свежей — ни одной...
Она к стенной газете подошла.
Статья «Пора с халатностью бороться!»
Прочтя, Улкер подумала:

«А тут
Кое-кому изрядно достается...»
Ругают председателя колхоза
За то, что он забросил культурану:
«В селе построен клуб. Но председатель
О нем не хочет проявлять заботу.
Ни лекций в нашем клубе, ни кружков.
Наш председатель лезет вон из кожи,
Чтоб был парад,
Чтоб был лишь внешний вид,
Забыв совсем о нуждах молодежи.
На клубе надпись
«Сельский дом культуры»,
В полметра буквы. Превосходен вид!
Но, прежде чем писать акаты,
Надо
Ввести культуру в нашу жизнь и быт!»

Улкер прочла заметку и сказала:
— Вот это то, что я хотела знать, —

Тут девушки толпой, вернувшись с поля,
Вошли и стали фартуки снимать.

— Салам алейкум!

— Здравствуйте!

Спасибо!

— Сегодня много я узнала тут.

Позвольте ж мне позвать вам крепко руки

За ваш высокий, благородный труд!

Сказать по правде, пахота иль сев —

Когда-то это скучным мне казалось.

А вот сегодня, стоя на холме,

Я все работой вашей любовалась.

И мне хотелось крикнуть от души

О том, что вы на редкость хороши!

Когда в Баку, среди столбцов газет,

Встречала я ударницы портрет,

Добившейся большого урожая,

Я думала: «За что же ей хвала?

Ну что такого совершить могла

Колхозница в цветистом калагае?»

В чем героизм колхозного труда, —

Признаться, я тогда не понимала.

А нынче знаю: девушкам таким

И этого почета даже мало!

— Но вы сегодня видели у нас

Сбор хлопка — самый легкий из трудов.

Куда сложнее — пахота, посев,

Поливка и прополка сорняков.

— О; да, сбор хлопка это пустяки!

— Но нет!

Не говори так никогда! —

Захра сказала бойкой Ясемен. —
— На свете нет пустячного труда! —
Улкер сказала:
— Я восхищена
Всем, что вы здесь так славно говорили.
В газете вашей я прочла статью —
И мне как будто солнце подарили.
Не только городам нужна культура,
-Ее и в селах насаждать пора.
Вопрос в статье поставлен справедливо.
А, кстати, кто писал статью?
— Захра.
Она у нас редактор стенгазеты
И лучшая в колхозе звеньевая.
— Вот и отлично!
Но ответь, редактор,
Что ж медлишь ты, газеты выпуская?
Последний номер тут повешен с лета.
А где же ваша новая газета?
— А в этом председатель виноват.
С ним многие пытались объясниться.
Твердили про культуру, про печать,
Но он не хочет этим заниматься.
Всегда он так: упрется — и шабаш.
И кто бы ни втолковывал ему,
С него слова, как с гуси мелкий дождь.
— Но почему, скажи мне, почему?
— Да он считает важным только план.
А книга, говорит он, пустяки.
Отсталый, безусловно, человек.
Бывают вот такие старики.

— Так надо же сместить его скорей!
Какой в нем прок?
Он только всем мешает!
— Ты неправ. Смещать его нельзя —
Он знает землю. Превосходно знает.
Мельком на хлопок глянет на ходу
(Он даром тратить время не привык) —
И тотчас назовет его болезнь.
Вот он каков, суровый наш старик!
— Ну хорошо. Я с ним поговорю, —
С улыбкою промолвила Улкер, —
Я думаю, он не откажет нам.
Тем более, что он не так уж сер...
Тот, кто культурой хлопок называет,
Пусть прежде сам культурой обладает.
Ну что, не так?
— Да нет, конечно, верно!
— Но стоп!
К чему моя тут болтовня.
Устали вы, а я вам здесь мешаю.
Уж вы простите, девушки, меня!
— Ну что вы, что вы!
Ужинать садитесь.
А где наш самый юный комсомол? —
Тут в дом вошла с улыбкою старуха
И самовар поставила на стол.
В стаканы налит ароматный чай...
Смеркается...
Вдали горит закат...
На сердце — радость.
Как ни полюбить
Вот этих славных, ласковых девчат?

ЛЮБОВЬ

Ночь.

Скоро утро — петух прокричал.

Только село еще спит непробудно.

Звезды, бледнея, дрожат в вышине.

Тихо вокруг.

На дорогах безлюдно...

Спят виноградники, дремлют сады,

Речка чуть слышно во мраке журчит...

В этом селе лишь один огонек

Каждую ночь до рассвета горит.

Месяц глядит удивленно с небес:

Что там за звездочка светит вдали?

Где ему знать, что то светит окно

Школьной учительницы — Джамили.

Осенью, летом, зимой и весной

Лампа встречает пунцовый рассвет,

Люди привыкли к тому, что в селе

Вечно горит по ночам этот свет.

Их удивит, если это окно

Будет, как прочие, ночью темно.

Сумрак...

За шторой лампа сияет...

В комнате тихо. Хозяйка читает.

Книги налево и книги направо.

Всё в них: надежды, елишь и слава.

Как тут уснуть, если в книгу она

Сердцем и мыслями погружена.

Книга — товарищ, наставник и друг.

Книга все тайны раскроет вокруг.

Сядешь, откроешь с волнением страницу —

Мир словно радугой вдруг озарится.

Вот и сегодня, листая роман,

Девушка мчится из Рима в Милан.

Сердце горит.

Джамиля влюблена!

— Овод! —

Восторженно шепчет она. —

Биться с ним рядом — вот счастье мое! —

«Как вас зовут?» — вы спросите ее.

Что ж, в этом нет никакого секрета.

«Джемма», —

Она вам ответит на это.

С вечера лампа за шторой горит,

Вплоть до рассвета, ресниц не смыкая,

С книгой у лампы сидит Джамиля.

Книга беседует с ней как живая.

Странною жизнью живет Джамиля.

Мыслит лишь книжно — мы правды

не скроем.

В жизни не любит она никого,

Сердце отдав только книжным героям.

Чтоб ни творилось вокруг Джамили, —

Всё для нее как в туманной дали.

Девушка думает только о них,

О романтических героях своих.

* * *

Утро.

• Дочитан роман до конца.

Небо багрянцем зажглось на востоке.

Девушка, встав, распахнула окно,
Ветру подставив горячие щеки.
Птицы на ветках щебечут, свистят,
Мир просыпается, полон веселья.
Синими крыльями плавно взмахнув,
Ночь улетела в глухое ущелье...
Ветер двух лип — чтоб погрелись, на солнце —
Вывел к дороге, как дряхлых старух.
— Ку-ка-ре-ку!
Превосходное утро!
Звонко горланит на крыше петух..
Томик закрыт. Но душа Джамили
Там — на последней странице романа.
Гордый борец! Он глядит на нее
Близко, как будто бы с киноэкрана.
Овод!
К сияющей цели своей
Шел ты негнувшийся, неколебимый.
Все ты во имя нее перенес:
Муки застенка, потоки угроз,
Даже пощечину от любимой!
Милая правды не знала о нем.
А потому он не думал о мести,
Но на любовном огне не спалил
Ни своей гордости, ни своей чести!
Всплыла постыдная тайна рожденья.
Дом свой покинув, он скрылся во мгле.
Пусть! Он не дрогнет!
Нет больше Артура —
Овод суровый пойдет по земле!
Овод!

Жила в нем большая душа,
Смелый и твердый — он не был жестоким.
Пусть ему Джемма удар нанесла,
Он не ответил ей даже упреком.
Овод! Я жизнь бы ему отдала!
Тяжко страдая от раны сердечной,
Шел он вперед, не согнув головы,
Образ подруги любя бесконечно,
Пусть между ними нередко лежали
Горы, леса и безбрежные дали.
Овод!
Кто в мире верней его был?
Он и в разлуке все так же любил!
Были сомненья — он их заглушал,
Бури гудели — не дрогнул ни разу.
Вот оно сердце, что жарче огня,
Розы нежнее и тверже алмаза!
В бой за свободу отчизны идя,
Принял он смерть, но с пути не сошел.
Овод!
Бесстрашной борьбою своей
Взмыл ты над веком, как гордый орел!
Если б нашла я такого орла,
Я б ему сердце свое отдала.
Я отдала б!
Но в глуши этих сел
Разве найдется подобный орел?
Любит меня Нариман всей душой.
Любит, но только какой он герой?
Тронет ли сердце любовью своей
Парень, что чистит колхозных коней?!

* * *

Светаает...

Нариман, вскочив с постели,
На конный двор вдоль улицы идет.
Но странно: он в конюшню не заходит,
А лишь гуляет около ворот.
Пора уж приниматься за дела,
Пора почистить в стойлах лошадей,
Но Нариман об этом позабыл,
Он о любви лишь думает своей.
Совсем дела забросил Нариман.
Стоит он, ничего не замечая:
Ни звонких птиц, ни золотой зари,
И только на часы глядит, вздыхая.
Он думает:
«Ей боль моя смешна,
А я страдать уже не в силах доле.
Дождусь ее и буду говорить.
Как раз вот здесь идет дорога к школе.
Я ей скажу: любимая, пойми,
В тебе мои надежды и мечты.
К кому я сердцем рвусь?
К тебе одной.
Кто может дать мне счастье?
Только ты!»
Вдруг Нариман увидел Джамилю.
Он побледнел и даже как-то сжался
И в тот же миг забыл он все слова,
Которые сказать ей собирался.
При виде солнца в синих небесах
Бледнеют звезды, гаснут, исчезают...

Так Нариман при виде Джамили
Поблек, поник и что сказать — не знает...
Еще минута — и она пройдет!
И тут, решимость исчерпав до дна,
Он с трепетом воскликнул:
— Джамиля!
— Я слушаю, —
Ответила она.
— О, Джамиля!
Пойми, ведь я тебя... —
Он смолк, не в силах дальше продолжать.
— Ах, ты опять за то же, Нариман,
Не знаю, право, что тебе сказать?
Ты извини, мне, право, очень жаль,
Но сердцем я к тебе никак не рвусь.
— Так что ж мне делать?!
— Ничего, забыть...
Ну, ты прости, я в школу тороплюсь.
— Постой минутку!
— Хорошо, стою.
— Пойми, мне с чувством тяжело бороться.
Когда тебя я вижу, Джамиля,
Душа моя то плачет, то смеется.
Не улыбайся, выслушай меня!
В пустой квартире слышен каждый звук;
Внеси ковры — наступит тишина.
О, Джамиля, холодною не будь!
Одной тобой душа моя полна!
Твои слова и мимолетный взгляд
Я, как лучи, рассветные, ловлю.
Не будь ко мне жестокой, Джамиля,
Не мучь меня!

Ведь я тебя люблю!
— Нет, Нариман! Напрасен разговор.
От слов твоих не стану я нежней.
Теперь прощай!
Не думай обо мне,
А лучше полюби своих коней! —
Она ушла.
Остался Нариман,
Словами беспощадными сражен.
Такую боль из сердца своего
Навряд ли скоро сможет вырвать он.
Черства, жестка душа у Джамили.
«Зачем я о любви заговорил?
Она сейчас смеялась надо мной.
Что ж, я, конечно, это заслужил!
Жестокими словами Джамиля,
Как бритвой, мне по сердцу резанула.
Я конюхом служу, и вот она
С презрением мне на это намекнула.
И в самом деле жалкая профессия:
Скребницы, сбруи, гривы да хвосты.
О где вы, где вы, радужно-красивые,
Моей крылатой юности мечты?
Нет, крылья эти к звездам не взлетели:
Пришла война — и крылья обгорели».

* * *

— Эй, Нариман! Ты чем так опечален? —
Спросил Керим. —
Скажи мне, что с тобой? —

Но Нариман ни слова не ответил,
А лишь тряхнул уныло головой.
— Нет, погоди!
Холодную тоскою
Так от тебя и веет за версту.
Но ты не прячься, не таись от друга,
Давай поговорим начистоту.
О, я тебя отлично понимаю.
И я, бывало, мучился, любя,
И у меня когда-то сердце ныло
И плакало, как плачет у тебя.
И я, как ты, был молод и влюблен.
И вот в одну из голубых ночей
Я с трепетом ей сердце протянул,
Но был отвергнут милою своей.
— А что же дальше?
— Дальше? Ничего.
Моя невеста вышла за другого,
Но я был горд. Не дрогнул, не раскил
И от тоски не начал пить хмельного.
Послушай же совета, Нариман:
Будь тверд, из сердца вырви Джамилю.
Есть много славных девушек. И ты
Еще услышишь нежное:
«Люблю»...
— Постой, Керим. Ей стыдно потому,
Что взял я сбрую, а не книгу в руки.
Но я ведь не был конюхом рожден,
И я мечтал когда-то о науке.
Да, я хотел учиться, а пришлось
Не в техникум ходить мне, а в разведку.
Пришла война — и я надел шинель,

Едва успев закончить семилетку.
 Война мне доучиться не дала.
 Хрустальный дом я не успел достроить.
 Пусть так. Не буду спорить я с судьбой,
 Но с глупым чванством я б хотел поспорить!
 Нельзя судить о людях по чинам!
 Любовь не терпит браков по расчету.
 — Ты прав, — сказал Керим. —
 Теперь пойдем,
 Пора нам приниматься за работу. —
 Но Нариман не слышит ничего,
 Он смотрит вдаль, он думает о ней...
 Тогда, ворота настежь распахнув,
 Керим один стал выводить коней.
 — Эй, Нариман! Послушай, почему
 Ты лошадей с утра не напоил?
 — Забыл, —
 Ответил хмуро Нариман.
 — Забыл, забыл! Да как же так забыл?!
 Послушай же, ответь мне, наконец:
 Какую цель преследуешь ты, друг?
 Уж встало солнце. Кони ждут воды,
 А ты лишь куришь да глядишь вокруг.
 Нет, Нариман, работать так нельзя!
 Уж лучше откажись, коль надоело.
 Как другу говорю тебе: пойми,
 Так относиться к лошади — не дело!
 — Ты прав, Керим, но что же делать мне?
 Я мучаюсь, душа моя в огне.
 Забыв про дом, про службу, про друзей,
 Я дни и ночи думаю о ней.
 Ты видишь сам: как мне работать, друг,

Когда все так и валится из рук.
 Зачем мне труд? На что мне вся земля,
 Когда меня не любит Джамиля?!
 — Терпенье, Нариман!
 В нем весь секрет.
 Болезнь мгновенно не проходит, нет.
 Пусть сад в снегу, пусть слышен вьюги вой, —
 Ты знаешь сам: он зацветет весной.
 Тебе подруга рану нанесла.
 Но разве нету средства против зла?
 Будь мужественен — и увидишь сам,
 Что это превосходнейший бальзам.
 Коли ты тверд и смело вдаль глядишь,
 Ты горе непременно победишь.
 Так пусть же слезы не бегут из глаз,
 А обратятся в твердости алмаз!
 А гордость! Иль, по-твоему, она
 В несчастье человеку не нужна?
 Коль ранен в сердце ты стрелой любви —
 На помощь тотчас гордость призови.
 Пусть девушка прекрасна, как звезда, —
 Все ж в пыль пред ней не падай никогда.
 — Что ж делать мне? Керим, ты подскажи!
 — Во-первых, понапрасну не тужи.
 Берись за труд. Смелей шагай вперед,
 Тогда твоя надежда не умрет!
 Любовь? Пред ней не должно отступать.
 Ее нельзя мольбой завоевать.
 Согреет ли тебя взамен признанья
 Костер из жалких щепок подаянья?
 То, что досталось без борьбы и мук,
 Ты сам потом же выбросишь из рук,

При встрече не кори подругу вновь.
Борись за счастье! Завоюй любовь!
Сказав тебе «прощай», она права,
К чему ей были жалкие слова?
— Но чем завоевать?
— Как чем? Огнем!
Душой своей, а главное — трудом.
— Любви достичь лопатой да уздой?
Керим, ты просто шутишь надо мной!
— Ну, хватит. Заболтались мы с тобой.
Пора коней вести на водопой... —
Идет за другом в стойла Нариман.
По холкам нежно треплет лошадей.
В конюшне душно. Кони тихо ржут.
Как будто просят:
«Выводи скорей!»
Они идут по тропке к Гюрмюку.
Но кони очень медленно шагают.
На ровном месте ноги их скользят,
По спинам дрожь все время пробегает...
Ослабли кони в стойлах без движенья,
А конюх, помня о любви своей,
Забыл, видать, о том, что на рассвете
Обязан он выгуливать коней.
Увидев эту жалкую картину,
Керим воскликнул гнев:
— Ах, злодей!
Ты лучше б отказался от работы,
Чем до болезни доводить коней!
Эй, Нариман!
Очнись же... Что с тобою?

Все дни ты жил, мечтая и любя,
А лошади тем временем зачахли,
Ужель их вид не трогает тебя?!

ЗАЯВЛЕНИЕ

На собрание комсомольском
Нариман сидел в смущенье.
Даже глаз не смел поднять он
От стыда и от волненья.
Резко о его ошибках
Говорили все друзья.
Он же лишь одно ответил:
— Вы правы. Вина моя. —
И чем больше вспоминалось,
Что творил он и когда,
Тем сильнее щеки парня
Пламенели от стыда.
Джамили стыдился парень,
Хоть всему виной она.
«Ладно, пусть она смеется,
Чащу я испью до дна.
Что ей все мои мученья?
Впрочем, я и сам хорош.
Разве, падая все ниже,
Путь к душе ее найдешь?!
Я сейчас в глазах друзей
Жалок и смешон, конечно.
Пусть!
Я это заслужил.
Только так не будет вечно!»
Зоотехник говорил:

— Тут стоит вопрос серьезно:
Разгильдяйством Нариман
Нам губил коней колхозных! —
Джамиля заговорила:
— Что с тобою, Нариман? —
Услыхав любимый голос,
Тот зарделся, как тюльпан.
— Я — свеча, а солнца свет
Льет нам в сердце лишь поэт.
Вот послушай и прими
Ты совет от Низами:
«Чтоб избежать худой молвы и зла,
Твори всегда лишь добрые дела.
Пусть будет яркой молодость твоя,
Как блеск зари, как пенье соловья.
Покуда юн, покуда носят ноги,
Забудь про скуку, вечно будь в дороге.
Знай: человек без цели пропадет.
Любой порыв к земле его прибьет,
Как без подпорки на дорожку сада
Сбивает ветер лозу винограда».
Будь же твердым, Нариман.
Стань опорой колхозу.
Гордость наземь не роняй,
Как надломленную лошадь.
Вы, Керим, — наш секретарь.
Потому бы я хотела
Вам напомнить то, о чем
Забывать совсем не дело:
Нынче нашей молодежи,
А тем паче комсомолу,

Об учебе думать надо,
Нужно в вуз идти и в школу.
Мы должны нести в село
Яркий свет культуры новой.
— Ты права, — сказал Керим. —
Замечательное слово!
Мы считаем, что в полях
Клин пустующий — позор.
И стремимся засеять
Каждый холмик и бугор.
А культура?
Нет, и здесь
Мы не вправе отставать.
Надо нам умы людей
Житом знаний засеять!
Если ж кто-нибудь из нас
Под откос сорвется вдруг,
Пусть на выручку ему
Вмиг придет хороший друг.
Коль фундамент тверд и прочен —
Будет век стоять стена.
Если правильно сознание,
То и цель всегда верна!

* * *

Окончилось собрание.
Джамиля
Совсем уж было собралась домой,
Но тут в дверях смущенный Нариман
Сказал ей тихо:

— Не спеши. Постой.
Ты вспомнила тут строки Низами.
Скажи же: как найти их, где прочесть?
— Прочти в поэме «Лейли и Меджнун»,
Она у нас в библиотеке есть.
— Я строки те запомню навсегда.
Они мне в сердце пролили лучи. —
Сказав так, он простился с Джамилей
И быстро скрылся в голубой ночи.
«Уснуть!
Забиться!
Злые мысли прочь!» —
Но Нариману не под силу это.
И он сидит безмолвно у окна
И курит вплоть до самого рассвета.
«Меня ничуть не любит Джамиля.
Сомнений нет.
Но кто же ей по нраву?
Ей, видно, слава громкая нужна.
Я ж только конюх.
Где возьму я славу?
Она прочла немало умных книг,
Она поэтов знает наизусть.
А я в конюшне чищу лошадей
И в женихи ей, видно, не гожусь».
Дохнул мороз...
Студеный вихрь подул...
И на лугу осыпались цветы.
Сегодня ночью поня Нариман,
Что разлетелись в прах его мечты.
Его надежда медленно сгорела,
Как папираса у него во рту.

Над головой его висели тучи,
И счастье не манило впереди.
Тоска.
Тоска,
Холодная и злая,
Как черный кот, царапалась в груди!

«Бледнеет ночь, уж недалек рассвет,
А я уснуть не в силах:
Почему?
Где мой покой? Что делать?
Как мне быть?
Запутался и сам я не пойму!
Сердечный жар измучил, сжег меня.
Зачем любовью жизнь моя полна?
Пришла любовь — накинула аркан
И не дает ни отдыха, ни сна.
Мой сон меня покинул навсегда.
Любимая, ты знаешь ли о том,
Что сон мой вместе с сердцем по ночам
Бессменно бродят под твоим окном?
И если мне ты хочешь счастье дать,
Открой окно. Прими их — вот они.
А коль не любишь, то послов любви,
Как двух бродяг, от дома прогони!» —
Так говорил печальный Нариман,
Любви смирить пытаясь ураган.
Как знать ему,
Что здесь, в родном селе,
Еще есть сердце, что горит во мгле.
Горит, как факел, озаряя тьму,
Горит любовью жаркою к нему!

Он девушкой хорошею любим,
Любовь повсюду следует за ним.
Она страдает, чахнет без него,
А он о том не знает ничего.
Уж за полночь...
Давно в деревне спят...
Лишь три огня сейчас во тьме горят.
Но кто же, кто за каждым из окон
Сидит у лампы, позабыв про сон?
Здесь твой горит огонь, а там вдали
Пылает лампа в доме Джамили.
Когда она про Овода читает,
В ее глазах твой образ лишь мелькает...
Она совсем забыла про тебя,
Она горит, мечтая и любя.
Отважный Овод!
В мире ничего
Нет для нее прекраснее его!
Сейчас ей скучно, тошно на земле,
Она взлетает в предрассветной мгле
На крыльях яркой, розовой мечты.
В девичьем сердце — Овод, но не ты!
Она летит дорогой голубой
Меж тучкой и сияющей звездой.
И ей, конечно, с этой высоты
Малюсеньким казаться должен ты.
Деревня спит...
На улицах темно..
Но чье же третье светится окно?
То льется свет из комнаты Захры,
Ему гореть до утренней поры.
Знай, Нариман: куда она с тоской

Ни бросит взор — пред нею образ твой!
Но ты не замечал ее любви,
Тебя терзанья мучили свои.
Ты отвергал ее любовь большую,
Затем что всей душой любил другую.
Когда ж Захра о той любви узнала —
Ни плакать, ни молить она не стала.
Молить о снисхожденье?
Никогда!
Она была достаточно горда!

* * *

Минула полночь. Нариман не спит.
Стоит он, неподвижный, у окна.
Луна глядит задумчиво с небес...
Ни шороха... ни скрипа...
Тишина...
«Мне нож вонзила в сердце Джамиля.
Вонзила и ничуть не пожалела.
Не ведаю, что делать? Как мне быть?
Одно лишь знаю:
Так страдать — не дело!
Мне говорят:
Эй, парень, отличись!
Поставь рекорд!
Поставь... легко сказать!
Коль под ногами только падь земли —
Попробуй-ка лезгинку станцевать!
Позор и стыд профессия моя!
О ней нельзя спокойно говорить.

Эх, мне, б сейчас лететь на скакуне,
А не навоз из стойла вывозить!
Мой труд, увы, не виден никогда,
Как ветка в чаще или в море рыба.
Пусть хоть сто лет работать стану я —
Никто потом не скажет мне спасибо». —
Всю ночь он думал, мучился, вздыхал.
Потом решил: «Довольно!
Прочь сомненья!
Пускай уволят. Больше не хочу!
Сегодня ж напишу им заявленье!»

И вот в правленье хмурый Нариман
Пошел, рассветным озарен пожаром.
И всю дорогу думал лишь о том,
Как будет говорить он с Шахсуваром.
У коновязи он замедлил шаг
И на коней в окно взглянул невольно.
При виде их прошла по телу дрожь,
А сердцу стало нестерпимо больно.
Он в дверь вошел, на лошадей взглянул —
И горький возглас с губ его сорвался.
Его любимый вороной скакун,
Роняя пену, в кашле задышался.
«Я расстаюсь с профессией своей
И покидаю их. Но для чего?
Выходит так, страдай, любимый конь,
Болей, товарищ детств. моего!
Да, я почти измену совершил!
В беде лишь трус все прошлое хоронит.
Я столько раз скакал на вороном,
А он сейчас стоит и тяжело стонет...

Я лошадей гулять не выводил —
И вот они без воздуха хирели.
Ленился я просеивать ячмень —
И кони в результате заболели.
Я виноват пред ними, и они
Сейчас глядят с укором на меня». —
Так говорил печальный Нариман,
Трепля по холке каждого коня.
И тут его любимец вороной,
Поймавши вдруг хозяйский взгляд
прощальный,

Из стойла вышел, тяжело хрипя,
И к Нариману подошел печальный.
Он мордой мягко ткнул его в плечо
И, кашляя, на друга покосился.
Тут, к черной гриве головой припав,
Наш Нариман едва не прослезился.
Вот так, друг к другу, ласково прижавшись,
Они стояли в скорбной тишине.
От горя слов не мог найти хозяин
И только гладил друга по спине.
Кто б мог сейчас бесчувственно взирать
На эту встречу, полную печали?
— Прости меня... — промолвил Нариман,
И плечи Наримана задрожали.
Казалось, конь отлично понимал,
Что друг его сейчас переживал.
Он землю рыл, потряхивая гривой.
А Нариман, поднять не в силах глаз,
Все повторял, уже в который раз:
— Прости меня,
Товарищ молчаливый!

В БИБЛИОТЕКЕ

Библиотека.

Шкафы, будто войны, в ряд

Против окна

неподвижной шеренгой стоят.

В каждом из стекол,

крылаты,

светлы,

горячи,

Нежно играют весеннего солнца лучи.

Книги — что в небе сверкающих звезд хоровод.

Птица — Улкер среди звезд совершает полет.

Каждый, кто птицу чудесную ту навещает,

Тотчас же в руки от птицы звезду получает.

В этот дом, шумна и весела,

Ходит юность со всего села.

Для пытливой сельской молодежи

Вряд ли можно дом найти дороже.

И хотя он прост и небогат —

Всех парней он манит, всех девчат.

Дети всех народов и времен,

Всех земель, законов и племен

Тут, в единый выстроившись ряд,

Весело друг с другом говорят.

Данте, Гоголь, Пушкин и Гомер,

Блок, Шекспир, Есенин и Флобер —

Каждый с другом поболтать не прочь,

Чуть лишь звездный зонт раскроет ночь.

Здесь на полках бьются без конца

Их живые, умные сердца.

Том любой достань из шкафа, друг,

И услышишь тотчас этот стук.

Книга — жизнь и дума человека.

Книга — песня.

Книга — голос века.

В книге всё: и радость, и печаль;

И надежды солнечная даль.

Что несешь ты? Томик голубой?

Нет, ты чье-то сердце взял с собой.

Загляни в него, и мир вокруг

По-иному озарится вдруг.

Плод с плодом нередко так несхожи,

Те толсты, а эти тонкокожи.

Горьки те, их не возьмешь и в рот,

Эти сладки, как душистый мед.

В каждом сердце тоже свой порыв,

Свой накал, свой песенный мотив.

Это — шутит, то гремит грозой,

Это — плачет горькою слезой.

И Улкер их слушала, как врач:

В этом сердце — радость, в этом — плач.

Тот, кто видит высшей правды свет,

Никогда не ошибется, нет!

Нет, она не просто выдавала

Любям книги (этого ей мало!).

Девушка старалась подсказать,

Что читать и даже как читать.

И когда новинка прибывала,

Прежде всех сама ее читала.

Врач ведь тоже, прежде чем лечить —

Должен сам лекарство изучить.

Будто в новый, необжитый дом,

— Ну конечно, есть! —

Почудилось, сам шкаф сказал:
«Возьми!» —

И вытолкнул ей томик Низами.
Мгновенно из глубин седых веков
Возникли звуки пламенных стихов.
Улкер! Сейчас не книгу держишь ты —
В руке твоей надежды и мечты!
Мечтал поэт бессонными ночами
О том, чтоб быть в грядущем рядом с нами.
Поэт мечтал о счастье светлых дней,
О верности и дружбе всех людей.
Раскрыта книга... Шелестят страницы...
Ты чувствуешь? От них тепло струится!

С улыбкой Нариман сбежал с крыльца,
Под мышкой сжав влюбленные сердца.
Он шел поспешно к своему двору
И вдруг в проулке повстречал Захру.
— Как поживаешь? — он ее спросил
И тотчас же улыбку погасил.
Захра его немного отвлекла,
И он забыл на миг свои дела.
Она ему приветливо сказала:
— Тебя давно нигде я не встречала.
Хоть нелюдим ты, но, глядишь, порой
Нет-нет да вдруг и встретись с тобой...
Ты грустен. Не случилось ли чего? —
Она с тревогой смотрит на него.
Смутясь немного, парень прячет взор
И о другом заводит разговор.
— Была в библиотеке?

— Да, была.

Вот видишь: томик Пушкина взяла.
Ты знаешь, я тянусь к его роману,
Как в зной к ручью.
Я влюблена в Татьяну.
Грустя могу читать я вновь и вновь
Про эту безответную любовь.
А ты читаешь «Лейли и Меджнун»?
О, это звон больших сердечных струн!
Меджнун¹ и сам ты. И, коль хочешь знать,
Ты всех безумцев должен понимать!
Да, ты Меджнун, а впрочем, нет. Сейчас,
Поверь, ты даже хуже во сто раз!
Зачем тебе чужого сердца стон,
Коль ты и сам без памяти влюблен? —
Намек отлично понял Нариман,
Но сделал вид, что углублен в роман.
Он шел, листая на ходу страницы,
И думал: «Ладно. Пусть покипятится».
Но он все больше маялся душой,
Шагая рядом с пылкою Захрой.
Сердась, но все не находил причины,
Чтоб улизнуть скорее от дивчины.
«Конца не будет этому пути!
И, право, как мне от Захры уйти?»
А та все шла, болтая непрестанно,
Не чувствуя досады Наримана.
А он мрачнел, швырял комки с откоса,
Курил за папирсой папиросу.
И думал:

¹ Дословно — безумный от любви (герой поэмы Низами).

«Вот еще минут с пяток —
И я, пожалуй, брошусь наутек!»
Ему Захра не причинила зла,
Она всего лишь только рядом шла.
Так почему, шагая рядом с ней,
Он хмурился и делался мрачней?
Но вот и перекресток. Кончен путь!
Тут Нариману можно и свернуть.
Пожав друг другу руки на прощанье,
Они расстались, молвив:
— До свиданья! —
Одни земля и воздух на двоих,
Но чувства были разными у них.
С Захрой расставшись, Нариман сиял,
Как будто груз сейчас с него упал.
А та с тоской ему смотрела вслед.
Легко ли было ей? Конечно, нет!
Она одна стояла на дороге,
Одна в своей печали и тревоге.
Одна с горячим трепетом в крови.
Одна в своей безрадостной любви...
«Он любит не меня. Я это знаю.
Мечтает он о ней, а я страдаю.
Но копь в меня не в силах он влюбиться —
Зачем должна я на него молиться?
Могу ли я любовь свою забыть?
Могу ль, как прежде, без печали жить?
Пусть рвать любовь из сердца очень больно,
Но снова унижаться... Нет, довольно!
Пускай ты безнадежно влюблена,
Но гордость, разве зря она дана?
Коль он не любит — чувства не проси,

А лучше губы гордо закуси.
Любовь Татьяны для меня урок.
Онегин был с ней холодно-жесток,
Зато потом он вспомнил ту аллею,
Когда сурово был наказан ею.
А я? Ужель не совладаю с ним,
С бесчувственным Онегиным моим?»
Захра припоминает вновь и вновь
Мечты Татьяны и ее любовь,
Закат над речкой... теплый летний вечер
И там в саду мучительную встречу.
Письмо Татьяны в сердце у него
Не вызвало в то время ничего.
Он говорил ей строгие слова,
А та внимала молча, чуть жива.
Кому пришлось из-за любви страдать,
О, тот сумеет боль ее понять!
И в этот миг, борясь с сердечной раной,
Захра душой срастается с Татьяной.
Полна надежд, сомнений и тревоги,
Она идет устало по дороге.
Но тут привлек ее печальный взор
Знакомый с детства низенький забор.
«Вот здесь твоя беда! —
Шепнул ей вечер. —
Взгляни сама!»
И удержал за плечи.
Бывало, в детстве с раннего утра
Сюда частенько бегала Захра.
О, сколько игр веселых провели
Они в саду подружки Джамли!
Пусть детство промелькнуло, как мгновенье,

Ему не будет никогда забвенья!
Но мчались годы, налетали вьюги,
И всё прохладней делались подруги.
От прежней дружбы через много лет,
Увы, остался только легкий след...
Так что же привело сейчас Захру
Вдруг к этому знакомому двору?
Какие здесь у девушки дела?
Ведь Джамиля подругу не звала.
Нет, не звала. Захра об этом знала,
А все-таки пришла. Она искала
Не встречи, нет, а случая взглянуть
На ту, кто к счастью пересек ей путь.
Да вон и Джамиля!
Стоит она
В саду под спелой грушею одна.
Каким надменным и холодным взглядом
Следит она за тучкой, что над садом
Плывет, слегка качаясь в вышине,
Как легкий челн на голубой волне.
На крохотной полянке перед ней,
Воркуя, бродит стайка голубей,
И девушка, смеясь по временам,
Бросает корм из чашки голубям.
«Совсем неплохо Джамиля живет:
С утра уроки в школе проведет,
Потом хоть спи, иль хоть баклуши бей,
Или корми овсянкой гол ей...
И, право, как осудишь Наримана
За то, что здесь он ходит постоянно.
Горит под ним, наверное, земля...
К чему скрывать? Красива Джамиля!

А я? Неужто я дурнушка? Нет!
Я — хороша! И это не секрет.
Но все-таки, признаюсь не тая,
Что Джамиля красивее, чем я!
А впрочем, хватит, что я говорю.
Ужель и впрямь я факелом горю?
Смешно: забыв дела, я про красу
Стою вот здесь и чепуху несу.
Пусть я красива. Что мне, право, в том?
Коль он не бродит под моим окном,
А ищет лишь повсюду Джамилю
И говорит ей:
«Милая, люблю!»
Однако Джамиля моя подруга,
Мы всё старались делать друг для друга.
А вот теперь, когда к ней счастье мчится,
Чего же я щетинюсь, как волчица?
Ее безумно любит Нариман,
Самой судьбой он ей в супруги дан.
Им вместе к счастью светлому идти,
Зачем же я стою на их пути?»

ДУМЫ

Сияет месяц. За окошком ночь.
Но Нариману спать сейчас невмочь.
Бум-бум, — часы пробили из угла,
А он сидит за книгой у стола.
Он Низами читает с увлечением.
Его наказ грядущим поколениям —
Живой родник высоких, мудрых слов;
Пришедший к нам сквозь мглу седых веков.

Читает парень, не смыкая глаз,
Уже не в первый, а в четвертый раз
Те строки, что недавно на собрание
Ему пришлось услышать в назидание.
Их Джамиля на память знает. Пусть!
Я тоже их запомню наизусть.
Она тогда сказала:
— Ты прими
Как светлый дар совет от Низами. —
Ну что ж, он примет и другим прочтет,
Он выпишет их даже в свой блокнот.
Как хорошо сидеть до темноты,
Носясь на крыльях розовой мечты!
Нет, здесь уже не конюх Нариман,
А вставший вровень с небом великан.
Казалось: сквозь веков глухую тьму
Сам Низами сейчас пришел к нему.
Рукой за плечи ласково обнял
И путь вперед, как сыну, указал:
«...Пусть будет яркой молодость твоя,
Как блеск зари, как пенье соловья.
Покуда юн, покуда ходят ноги,
Забудь про скуку. Вечно будь в дороге.
Знай: человек без цели пропадет,
Любой порыв к земле его прибьет,
Как без подпорки на дорожку сада
Сбивает ветер лозу винограда...»
Мои сомненья мудрый сти: поэта
Развеял вмиг, как сумрак — луч рассвета.
«Да, эти строки, полные огня,
Написаны как будто для меня.
Покуда чувства — разума сильнее,

Я — тряпка, трус, я — раб своих страстей!
Без разума от девичьего взгляда
Сломаюсь я, как лоза винограда.
Не потому ль фиаско я терпел,
Что никогда рассудка не имел!
И вот она не любит. Это ясно.
Так для чего ж мне мучиться напрасно?
Лишась надежды, для чего любить?
Забуть ее!
Но только как забыть?
Да так, чтоб муки разом отлетели!
Неужто я безволен, в самом деле?
О Джамиле я день и ночь тужу,
А вот Захру при этом не щажу.
Хотя давно подумать мне пора
О том, что носит на сердце Захра.
Я оскорблен холодной Джамилей,
А сам при этом холоден с Захрой.
За мной, не помня ни обид, ни зла,
Она навек мне сердце отдала.
И вот сейчас мне горько оттого,
Что я в ответ ей не дал ничего.
И, может, сам я счастье загублю,
Коль никогда Захру не полюблю.
Захра, Захра!
Один с мечтой своей,
Я постоянно забывал о ней,
Пренебрегая этим сердцем чистым.
Каким же был я черствым эгоистом!
Да, эгоистом. Я любви искал,
А сам любовь безжалостно топтал.
И наплевать мне было, что подчас

Захра с меня почти не сводит глаз.
Нелепо сердце скроено порой:
Мы мчимся лишь за призрачной мечтой.
А то, что нам дается без труда —
Мы этого не ценим никогда.
Со счастьем рядом я всегда ходил,
Зачем же вдруг другую полюбил?
Зачем? Зачем?
Ну кто ответит мне:
Я мучился на медленном огне?
В чем тайный смысл подобного секрета?
Увы! На это нет пока ответа!..»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

С рассветом вдоль деревни налегке
Шел парень с чемоданчиком в руке.
Прошел лишь месяц с той поры, когда
Он уходил отсюда навсегда.
И вот сейчас знакомою тропой
Он грустно возвращается домой.
Давно ли шел он, думая о том,
Что сможет гору повалить плечом.
Мечты... надежды... Как он верил в них!
Но что осталось от надежд былых?
Шагает парень, хмурится порой,
Сейчас он полон думою одной:
Улкер забыть не может. Не должна!
Ужель меж ними вырастет стена?
Калитка... дом... Он раскрывает двери...
— Ах, боже! —

Закричала тетя Пери. —
Ризван? Сыночек! Что стряслось с тобой?
Не приняли? Да ты входи, не стой!
— Я нужной суммы баллов не набрал, —
Ризван со вздохом медленно сказал. —
Вошла Улкер, присела у стола
И, вспыхнув, взгляд смущенно отвела.
— А ты им разве не сказал, сынок,
Что путь твой был и труден и далек,
Что ты без средств приехал из села,
Что мать всегда уборщицей была?
— Не в этом дело, мама! Люди там
Совсем не злые. И, признаюсь вам,
Я сам во всем, конечно, виноват.
Знать надо больше, глубже во сто крат!
— А я, сыночек, думала о многом.
Мечтала, как ты станешь педагогом.
Как ты... А, впрочем, что уж говорить!
К чему напрасно раны беречь. —
Улкер сказала:
— Бросим горевать!
И здесь ведь дело можно подыскать.
Нет худа без добра, как говорят!
А что ушло, то не вернешь назад.
Пускай не будет педагогом он,
Пусть хлеб растит, пусть станет чабаном,
Не в этом суть! Тут главная задача —
Любить свой труд и достигать успеха.
Быть надо честным всюду и всегда
И не искать лишь легкого труда.
Гордись трудом и здесь в родном селе,
Знай: нет плохих профессий на земле!

Напрасно вы взгрустнули, тетя Пери,
Нет, для Ризвана не закрыты двери
Ни к радости, ни к славе. Час придет —
Он станет первым и пойдет вперед! —
Слова Улкер ободрили Ризвана.
Он знал о том, что поздно или рано,
Но встреча между ними быть должна.
Тревожило одно лишь: как она
С ним встретится в его родном дому
И что сказать надумает ему. .
Не посмеется ль над его судьбой,
Надменная, с усмешкою кривой?
Она, наверно, спросит:
«Что же ты
Так быстро растерял свои мечты?
И как же ты в Баку так оплошал,
Что даже нужных баллов не набрал?»
Ризван стоит, как будто в землю врос.
Сейчас молчит он, как река в мороз.
Сейчас, склонивши голову на грудь,
Не смеет он на девушку взглянуть.
Мелькнула мысль: «Никак не думал я,
Что будет справедливым мой судья.
И где же знать мне было, что она
Не только хороша, но и умна.
Надменной спеси вовсе нету в ней».
И он взглянул на девушку смелей.
А та Ризвану руку протян а,
Так, словно б в душу парню заглянула.

Прошла неделя.
Как-то раз Ризван

Перед окном на свежем ветерке
Задумавшись сидел. И в этот миг
Вошла Улкер с газетою в руке.
— Послушай новость! —
Девушка сказала. —
Хорошие готовятся дела! —
И, развернув районную газету,
Она заметку нужную прочла.
— Нужны механизаторы селу.
На днях в районе курсы открываются.
— А срок какой?
— Срок обучения — год.
Ну, как, Ризван? Тебе, надеюсь, нравится?
— Да, я не прочь. Но вот, что скажет мама?
— Чудак ты, право, а при чем тут мать?
— Ну как при чем? Мать ближе всех на свете,
И я ее не вправе огорчать.
Сейчас, признаться, мне немного грустно.
Мне жаль мечты. Пойми, ведь я хотел
Не трактористом стать, а педагогом.
А вот достигнуть цели не сумел.
— У нас сейчас довольно педагогов.
Теперь село... А впрочем, что слова?
Тут сердцем надо слышать зов отчизны.
— Ну что ж, Улкер, быть может, ты права. —
Они проговорили до заката.
— Спасибо! —
Наконец сказал Ризван.
Он перечел газетную заметку
И, вырезав, убрал ее в карман.
А утром вновь, как прежде, налегке
Шел парень с чемоданчиком в руке.

Теперь его с дороги не свернуть.
Счастливый путь, Ризван!
Счастливый путь!

ЭГОИСТ

Библиотека.
Вечер. За окном
Зима в наряде бело-голубом.
Кругом сугробы снега намело,
А здесь в просторной комнате тепло.
Сейчас сюда за книгами пришли
Все парни и девчата Чешмали.
Не тот, что прежде, край родимый наш,
И Чешмали не прежний Данабаш¹.
Все озаряя новым ярким светом,
Трепещет алый флаг над сельсоветом.
И лишь сегодня, при советской власти,
Бедняк Мамедгасан добился счастья.
А Данабаш? Не спрашивай, мой друг,
Приди сюда и сам взгляни вокруг!
В моей деревне радость мчит вперед,
Как быстрый легкокрылый самолет.
Сегодня даже у старух седых
Глаза смеются, как у молодых.

* * *

— Улкер! Прошу мне книгу заменить! —
Плечистый парень к столику подсел.
Улкер поспешно карточку взяла

¹ Отсталое село в произведении азербайджанского сатирика Джагиля Мамедкули-заде.

И увидела буквы: «В» и «Л».
Она вначале не могла понять,
Что значат эти буквы. Но потом
Припомнила недавний разговор
Вот с этим сероглазым пареньком.
В тот вечер парень явно был смущен,
Стыдился он профессии своей
И на вопрос «кем служите» сказал:
— Пишите так: «Властитель лошадей».
«Запутался он, — думает Улкер, —
Придется с ним поговорить о многом.
Не тот герой, кто мчит по степи,
А тот, кто скачет по крутым дорогам.
Плохих профессий нет. И Нариману
Все это надо будет втолковать».
— Итак, — Улкер сказала улыбнувшись, —
Какую книгу вы хотите взять?
— Не знаю я, —
Ответил Нариман. —
Вы подберите сами для примера.
— Тогда прошу я эту вот прочесть
О коноводстве конюха Тайера.
— Но для чего мне, извините, это?
Я ж тоже конюх, милая Улкер,
И, значит, в коноводстве разбираюсь,
Поверьте мне, не хуже, чем Тайер!
— Не надо спорить, —
Девушка сказала. —
Ведь это не такой уж толстый том.
Прочесть его не трудно. Вы возьмите,
Еще спасибо скажете потом.
«Зачем мне эта книга? Не пойму», —

Подумал недовольно Нариман,
 Но книгу все же принял от Улкер
 И молча сунул в боковой карман.
 — Эй, друг Салим!
 Да ты у нас герой!
 Тебя поздравить надо, говорят.
 Ведь ты недавно победил Захру!
 Ну, прямо скажем, отличился, брат!
 — А что нам было делать?
 Года три
 Захра нам просто не давала жить.
 Зато теперь мы всё ее звено
 Сумели наконец-то усмирить!
 Захра частенько заявляла нам:
 «Пока живая — знамя не отдам!»
 Не выдержав, я вызвал все звено
 И закричал:
 «Ведь это же смешно,
 Что нам девчата застилают свет!
 Мужчины, наконец, мы или нет?
 Пусть в землю мы по маковку уйдем,
 Коль знамени у них не отберем!»
 Ребята зашумели:
 «Да, ты прав!
 Довольно нам перед людьми срамиться!
 Мы так нажмем на хлопок, что Захре
 Еще у нас придется поу...ться!»
 Трудились мы не покладая рук.
 И вот под гром оркестра на заре
 Мы получили знамя. И тогда
 Я гордо посмотрел в глаза Захре.
 Бледнее хлопка сделалась Захра,

В глазах тоска иль гнев — не разберешь. —
 Тут Нариман, не выдержав, сказал:
 — Смотри, Салим, споткнешься, упадешь. —
 Салим расхохотался:
 — Не споткнулся!
 — Не хвастайся, ведь к звездам не взлетел.
 Герой не тот, кто знамя взял, а тот,
 Кто это знамя удержать сумел!
 — Да ты-то что болееешь за нее?
 Она побеждена ведь, а не ты.
 — Я не болею, я хочу сказать,
 Что спесь и чванство — скверные черты! —
 Салим воскликнул:
 — Ну и грамотей!
 Мораль читает прямо как с листа.
 Сам хуже всех работает в селе,
 А нас учить берется. Смехота!
 Ты лучше вспомни про больных коней.
 Кто, как не ты, заставил их страдать?
 Нет, ты плохой наставник, Нариман!
 Сейчас тебе уж лучше помолчать! —
 Слова Салима били точно в цель.
 Что возражать? Салим, конечно, прав.
 И Нариман, пунцовый от стыда,
 Пошел к дверям, сурово зубы сжав.
 Вдруг сразу стало тихо, очень тихо...
 Улкер от книг не поднимала глаз...
 Бахвальство долговязого Салима
 Ей очень не понравилось сейчас.
 — Чья очередь?
 — Моя, Улкер, моя! —

Улкер взглянула косо на героя
И молвила, кивнув на ряд шкафов:
— Какой роман хотите взять с собою?
— Такой, чтоб книга за душу взяла,
И тут я полагаюсь лишь на вас.
Чтоб я, страницу первую раскрыв,
Всю ночь читал бы, не смыкая глаз.
— Тогда я предлагаю вам прочесть
«Мугань». Поэма славная, Салим.
— Так это что, стихи?
— Ну да, стихи. —
Но тот, вздохнув, остался недвижим.
— Нет, нет, Улкер, поэмы не по мне.
Стихов, признаться, я не понимаю.
Вы дайте мне рассказ или роман,
Вот это я охотно прочитаю.

Легко ли мне рассказывать об этом?
Мороз мне в душу холодом дохнул.
Я чуть перо не выпустил из пальцев,
Чуть рукопись в корзину не швырнул!
Печальный факт приятней было б скрыть..
Но истина мне все-таки дороже.
Стихов читают мало до сих пор.
Друзья поэты! что нам делать? что же?

Улкер сумела убедить Салима
Прочесть «Мугань». И парень книгу взял,
Хотя при этом он чесал затылок,
Смотрел в окно и горестно вздыхал.
Салим «Мугань» читает до рассвета,

Под шум листвы и нудный треск сверчка.
Он все забыл. Он поглощен поэмой,
Его волнует каждая строка.
Салим услышал быстрый топот лани,
Летающей будто легкая стрела.
Горячая поэзия Вургун
Ему, как пламя, сердце обожгла.
Он восхищался красотой Мугани,
Он слушал песнь, что вольный ветер пел.
Дойдя же до четырнадцатой песни,
Салим, смутясь, вдруг густо покраснел.
Сархан в работе Маню победил,
Как он — Селим — Захру опередил.
Но все ж Сархан победою своею
Ни разу не похвастал перед нею.
Нет, Маня не бледнела, как Захра,
Сархану алый стяг передавая.
А тот молчал, пока собрание шло,
На Маню робких глаз не подымая.
Сархан победе был не слишком рад,
Вот потому-то и потупил взгляд.
«Когда с охоты тигр придет на отдых —
В тиши ложится у застывших вод,
Он, позабыв до завтра об охоте,
На лапы тяжело голову кладет.
Когда орел стремится в глубь лазури —
Борьба с ветрами зла и нелегка.
Как буря сам — он прорывает бури,
Он с клекотом пронзает облака.
Какой герой, спроси у полководца,
Сквозь фронт врага прорвавшийся вперед,
Забыв друзей, с насмешкой отзовется

О том, кто ранен, о том, кто отстаёт? !»
 — А как же я? —
 Пробормотал Салим.
 И сердце, сжавшись, горько застонало.
 Слова поэта ранили его
 Больней, чем может ранить сталь кинжала.
 Казалось, будто шел он по дороге,
 Задумавшись, не видя ничего,
 И вдруг сигнал несущейся машины
 Заставил вздрогнуть, отрезвил его.
 Припомнив разговор в библиотеке,
 Салим смущенно покраснел и встал.
 — К чему скрывать! Позорную победу
 Я там над Нариманом одержал!
 Вот мудрость, мудрость вечная, как мир:
 «Хвастун не должен забывать о том,
 Что стоит ему сделать первый шаг,
 Как тотчас он споткнется на втором».
 За что я Наримана укорял?
 Мне хвастуном лишь быть недоставало.
 Улкер права.
 Я понял, почему
 Она мне эту книгу предлагала.
 Все, все смотрели косо на меня.
 Побил Захру! Ах, слава, ах, почет!
 Бахвальство — это самый злейший вра
 Расцвету и движению вперед.
 Коль колос пуст — он кверху без труда
 Вздывает гордо голову всегда.
 А полный колос, не кичась собой,
 Склонившись, скромно шепчется с землей...

ЕЩЕ НА ОДНУ СТУПЕНЬ

Шел Нариман домой, нахмурив взгляд,
 И думал, раздраженья не тая:
 «Опять меня профессией корят,
 Далась же им профессия моя!
 Все надо мной смеются: и друзья,
 И недруги. Неужто ж у меня
 Нет, наконец, ни собственного «я»,
 Ни творческого жаркого огня?
 Салим хотел, чтоб я пред ним стоял
 С опущенною низко головой.
 Неужто же я гордость потерял?
 Неужто стал безвольной размазней?
 Я сам твердил о мужестве всегда,
 Считал себя скалой. Попробуй сдвинуть!
 А вот сегодня, каждый без труда
 Меня насмешкой может опрокинуть.
 Да, я позор свой заслужил вполне.
 «Лентяй» отныне имя Наримана.
 Неужто вправду выросло во мне
 Самодовольство глупого барана?
 И если так, то что жалеть тупицу?
 Пускай ругают, пусть меня корят.
 Пускай мой хлеб в колючку превратится
 Иль станет горьким, как змеинный яд!»

Всю ночь до света Нариман не спал.
 Всю ночь он книгу конюха читал.
 — Отлично! —
 Повторял он, —
 Молодец!

Да этот конюх истинный мудрец! —
Был потрясен, взволнован Нариман,
Хоть перед ним был вовсе не роман,
А только слово, да, простое слово,
Как он, такого ж конюха простого.
Узнал он, что от солнечных степей
Играет сила в мышцах у коней,
А клевер с викой — настоящий клад
Для слабых тонконогих жеребят,
Узнал, как содержать коней в мороз,
Когда давать им жмых, когда — овес,
Узнал, что можно матку загубить,
Коль до кормления сразу напоить.
Нельзя лишь в стойлах жеребят держать,
Их дважды в сутки нужно обьезжать,
А чтоб коней горячих усмирить,
В табун к ним надо мерина пустить.
Закрыв с улыбкой книгу Нариман:
Ему урок хороший нынче дан.
Плохих профессий в жизни не бывает!
Теперь и сам он это понимает.
«Когда б не эта книга — до сих пор
Я, как клеймо, носил бы свой позор.
Но друг пришел, дал правильный совет —
И вот уже позора больше нет.
Тайер горит желанием одним:
Делиться с нами опытом своим.
И хоть он конюх, только никогда
Он от того не чувствовал стыда.
Рассказывает так он, что людей
Легко пленит работою своей.
И я, читая, думал лишь о том,

Что ни за что не разлучусь с конем!
Спасибо другу за его совет.
Все ясно мне. Сомнений больше нет.
Всем, всем скажу я, счастья не тая:
Прекрасна должность конюха, друзья!»
Теперь ему вполне понятным стало,
Зачем с таким упорством предлагала
Ему Улкер брошюру о конях.
А он тогда поспорил с ней в сердцах.

* * *

Мой друг!
Не книгу раскрываешь ты,
А парус мысли в море темноты.
Что значит книга?
Книга есть ступень
К вершине, где сияет яркий день.
Прочел ты книгу — на ступень шагнул,
Прочел другую — выступ обогнул.
Пусть крут подъем, но ты идешь к вершине
И нет преград тебе уже отныне.
Но вот и пик! Теперь взгляни вокруг:
Весь мир открылся пред тобою, друг!
Ты вспомни детство: озорным мальцом
Ты лез на дуб, охотясь за гнездом,
И, вдруг забыв про все, глядел с вершины
На улицы, балконы и витрины.
Во все глаза смотрел в восторге ты
На все, что можно видеть с высоты.

Никто тебя в тот миг не замечал,
Тогда как взгляд твой всюду проникал.

Нора всего милее для сурка,
Орел же смело рвется в облака,
Что может видеть маленький сурок?
Пшеничный колос да земли клочок.
Орел же видит с высоты небес
Поля и реки, холм и дальний лес.
Старайся, друг, в познаниях быть орлом.
Лети смелее! Тучи режь крылом!
Пусть невежды сумрачно косятся,
Сурков нам не пристало опасаться!
И странно думать, что когда-то прежде
Подвластно было многое невежде.
Невежды жили в затхлом мире тьмы,
Их ужасали светлые умы.
И те, что голос правды подымали,
В разряд безумцев тотчас попадали.
Принц Гамлет своей честной головы
Не стал склонять пред ропотом молвы.
В лицо пороку рассмеялся он —
И тотчас был безумцем окрещен.
Сражался Чацкий с низкой клеветой,
Он с тьмой невежд отважно вышел в бой.
Что ж дальше было? Победила тьма,
И он познал лишь «горе от ума».
Да, друг!
Не книгу раскрываешь ли,
А парус мысли в море темноты.
И помни: книга — новая ступень
К вершине, где сияет яркий день!

СТОЛКНОВЕНИЕ

Ночь.
Как-то сразу наступила мгла
И тучей небосвод заволокла.
Казалось, будто ночь в сердцах с размаху
На мир надела черную папаху.
А вдоль села, разбрызгивая грязь,
Два друга шли, вздыхая и бранясь.
А ночь-то, ночь, ну до чего темна!
За полшага дорога не видна.
Одно спасенье: впереди горя,
Бежит веселый лучик фонаря.
По временам, то лужи обходя,
То друг за другом медленно идя,
Они бредут, сердясь в глухой ночи
На бездорожье, грязь и кирпичи.
А позади, сквозь сумрак тишины,
Несутся звуки бубна и зурны.
То слышен смех, то песни без конца,
Танцуют гости в доме кузнеца!
Идут домой со свадьбы председатель
И дядя Шираслан — его приятель.
Вдруг председатель посмотрел вокруг
И чуть фонарь не выронил из рук.
Он встал на месте, будто в землю врос,
В глазах его застыл немой вопрос.
— Да что с тобой? —
Воскликнул Шираслан.
— Ты что, устал или немного пьян?
— Какое пьян? —
Ответил тот сурово. —

Я изумлен сегодня, право слово.
 В домах огонь! Вон там и там горит!
 Скажи мне: отчего народ не спит?
 — Зачем не спит? Неужто не поймешь?
 За книгу села наша молодежь.
 Сидит, читает, позабыв про сон.
 Я сам немного этим огорчен.
 Да вот хотя бы дочь моя Захра,
 Всю ночь сидит за книгой до утра,
 И хоть ругай ее, хоть говори,
 Не оторвешь от книги до зари.
 — Ах, так! А я не мог понять порой,
 Что приключилось с нашею Захрой?
 Какое ей теперь ни дашь задание —
 Она за все берется с опозданием.
 С утра выходит в поле позже всех.
 Отсюда и в работе неуспех.
 И если молвить правду, то она
 От чтения пострадала не одна.
 Ты видишь, сколько светится окон?
 И ведь за каждым чтенье, а не сон!
 Захра была всегда передовой,
 Мы все гордились нашею Захрой.
 Гордились. А теперь сказать смешно:
 Захра обратно тянет все звено.
 Зато Салим, конечно, не дремал,
 Шагнул вперед и знамя избрал. —
 Он помолчал, подумал деловито,
 Потом сказал негромко, но сердито:
 — Нет, говорить тут надо не с Захрой.
 Всему библиотекарша виной!
 Ведь молодежь к учебе призывая,

Она, сама того не понимая,
 Вредит работе, не дает расти,
 Сбивает всех с привычного пути!
 Нет, с этим мы мириться не должны;
 Тут меры нам серьезные нужны.
 — Все это так. Но ты не горячись
 И завтра, встретив девушку, сдержись,
 Ведь ты умеешь, честно говоря,
 Порой обидеть человека зря.
 Улкер у нас приезжая, и ей
 Обида будет здесь вдвойне острей.
 Улкер умна, быстра, и я не прочь,
 Чтоб у меня была такая дочь.

* * *

Раскрыв окно, задумалась Улкер.
 Вокруг сейчас безлюдье, тишина...
 Давно спустилась ночь. Пора бы спать,
 Но только ей сегодня не до сна.
 Наверх посмотришь — не видать ни зги,
 Все небо в непроглядной мутной мгле.
 Не видно звезд на небе. Но зато
 Они горят сегодня на земле.
 Созвездья окон блещут в темноте,
 Зеленоватых, светлых, голубых, —
 То лампочки над книгами горят.
 Гордись, Улкер, делами рук своих!
 Огни горят, горят победно, ярко.
 Улкер неслышно вышла на крыльцо,

И радостная, светлая улыбка
Вдруг озарила девичье лицо.
Придя с работы, всякий раз Улкер
По вечерам считает лампы эти
И радуется, видя, что огни
В селе все чаще, все дружнее светят.
Огни не только озаряли тьму,
Они ей счастьем сердце согревали.
И чем в деревне больше огоньков,
Тем меньше в сердце грусти и печали.
А тут еще сюрприз: пришло письмо
С широким быстрым почерком Ризвана.
Улкер прочла — и милое лицо
Пред ней вставало словно б из тумана.
И, может статься, в первый раз Улкер,
Увидев этот образ, оробела,
Потом письмо погладила рукой
И от смущенья вся порозовела.
Давно ль Ризвана видела она?
Давно ли с ним спокойно говорила?
Шутила с ним... Так почему ж письмо
Ее так взволновало и смутило?!
Бывает так: встречаешь человека,
Спокойно с ним беседуешь в тиши
И сам не понимаешь, что отныне
Ты пленник его сердца и . . . ли.
Проходит время. Ты совсем спокоен.
Но вот в руке письмо или портрет —
И ты во власти вспыхнувшего чувства,
И с этих пор уже покоя нет!
Ночь.
Тишина.

Лишь далеко за речкой
Звучат чуть слышно тара и баян.
В глазах Улкер сияют искры счастья,
А губы шепчут тихо:
— Мой Ризван! . . . —
Огни горят! И горькие сомненья
Прочь улетают, словно воронье.
Огни горят! Горят во всем селенье,
Горят и блещут в сердце у нее!

* * *

Наутро председатель повелел
Позвать к себе Улкер. И, хмуря бровь,
Стал мысль свою пред нею излагать,
Не выбирая осторожных слов:
— Зачем ты книгой мутишь молодежь?
Нам нужен план. Ты понимаешь?
План!
Ведь если я не выполню его,
Мне будет нагоняй хороший дан!
К чему нам книги? Ну скажи: к чему?
Ты сеешь смуту в молодых сердцах!
Ты за столы сажаешь молодежь,
А ей работать надо на полях! —
Речь эта больно ранила Улкер,
Глаза ее наполнились слезами.
Да, тот, кто любит книги, никогда
Не станет жить лишь севом да снопами!
Такому человеку не тверди
О том, что людям не нужна культура.

ПЕРЕЛОМ

Он ничего, пожалуй, не поймет
И наставление выслушает хмуро.
Коль ты заденешь хоть одну струну
В душе, что рвется к солнечному свету, —
Вмиг станет небо пепельным от туч
И зимний холод сменит нежность лета.
Нарочно ль ты заденешь ту струну
Иль невзначай дотронешься сурово —
Он все равно поникнет, задрожит,
Как от недуга тяжкого и злого.
А в сердце тотчас ветры зашумят,
Как в парке с облетевшею листвою.
Нет, не касайтесь тонких струн души
Неловкою и грубою рукою!
Улкер на председателя взглянула,
Да так, что тот попятился слегка,
И горячо сказала:
— Вы неправы!
Учеба — свет, незнание — облака.
На книги вы коситесь, право, зря,
Без мудрых книг не будет умным труд,
В село культуру книги принесли,
Они людей к хорошему зовут.
Ругать не надо понапрасну книгу.
Коль книга есть — не прядешь нигде.
В работе книга вовсе не мешает,
Она, напротив, верный друг в труде! —
Улкер ушла, сверкая гневным взглядом.
Никто ее не сломит никогда.
И в этот день она библиотеку
Открыла даже раньше, чем всегда.

Однажды Нариман пришел к Улкер,
И комната вдруг разом потонула
В его улыбке. Показалось вдруг,
Что это солнце из-за туч сверкнуло.
Он произнес:
— Спасибо вам, Улкер.
Теперь я понял, почему вы дали
Мне эту книгу. Я ее прочел
И вмиг забыл сомненья и печали!
Выходит, даже конюх рядовой
Добиться может славы и почета.
— Да, Нариман! Почет и слава там,
Где ум дерзает и кипит работа!
Не место красит человека, друг,
А человек работою своей
Способен красить место. И у нас
Нет ни больших, ни малых должностей.
Авторитет и ценность человека
У нас зависят от его труда.
А тот, кто дела своего не знает,
Тот, право, не годится никуда!
Путь к славе не заказан никому.
Запомни, друг: в своем родном краю
Возвыситься может каждый человек
Любую должность скромную свою.
У нас есть музыканты и поэты,
Чья слава прогремит во все века,
Но есть у нас и индюки тупые,
Что на искусство смотрят свысока.
Иной чабан пасет в горах овец

И видит коммунизма торжество.
 А кой-какой ученый, вдаль взглянув,
 Не видит дальше носа своего.
 Иной сапожник так прошьет сапог,
 Что шва не сыщешь: мастер знает толк!
 Иной поэт же грубо пишет стих,
 Сшивая черной ниткой белый шелк.
 У нас есть токарь, рвущийся вперед,
 К победам новым, как солдат в бою.
 И есть директор трус и бюрократ,
 Позорящий профессию свою.
 Есть молодой студент, что вдаль спешит,
 Мечту хватая дерзновенно в руки.
 Но есть и педагог, что, как траву,
 Жует сухую жвачку из науки.
 Есть музыкант, что, сердцем восплавав,
 Прекраснейшие ритмы создает.
 Но есть и композитор, что старье
 Под видом новых песен подает.
 Неужто в школе подавать звонки
 И тряпкой протирать полы и двери
 Великий труд? Но вспомни, Нариман,
 Как любит свою должность тетя Пери!
 Ее звонки звучат без опозданий.
 Она любовно, строго бег жет
 Занятий школьных каждую минуту.
 За это ей и слава и почет.
 Идут уроки, в школе тишина...
 О дальних странах говорит учитель.
 А в коридоре, глядя на часы,
 Сидит занятий славный наш «блюститель»...

Недаром служит в школе тетя Пери,
 Не зря все дни проводит с детворой.
 В букете школьных знаний, без сомненья,
 Есть и ее цветочек полевой.
 На три минуты раньше дай звонок —
 И класс задачи не успел решить.
 А за год этих крохотных минут
 Порой и день не сможет заменить.
 Став птицею из малого птенца,
 Малыш взлетел со школьного крыльца.
 И тетя Пери радовалась им,
 Как птица-мать птенцам своим родным.
 Когда ж она вдруг встретится порой
 С былой своею школьной детворой —
 Она цветет, она гордится ими,
 Как мать детьми подросшими своими.
 Прошли года, рассыпались птенцы,
 Но от ее залиvistых звонков
 Теперь иные звуки родились
 В десятках школ и шумных городов.
 Пусть подросли птенцы, но никогда
 Они не смогут позабыть о ней.
 Недаром тетя Пери так горда
 Хорошею профессией своей.
 Не место красит человека, друг,
 А человек работою своей
 Способен красить место. И у нас
 Нет ни больших, ни малых должностей! —
 Услышав это, Нариман поник,
 Взглянул на свой начищенный башмак,
 Побарабанил пальцем по столу
 И от стыда стал красным словно рак.

Потом сказал:

— Улкер, я был глупцом
И конюхом назваться не хотел.
Теперь же я прошу вас зачеркнуть
Там в карточке две буквы: «В» и «Л»,
А напишите «конюх». Вот и все.
Что ж вы смеетесь, милая Улкер?
О, да, вы правы, я невеждой был,
Но мне на все глаза открыл Тайер.
Поверьте же, что я в родном краю
Не посрамлю профессию свою.
Не посрамлю, я крепок, тверд и смел,
Вы слышите? Я слово вам даю!
А вы перечеркните «В» и «Л»...

* * *

Но вот с любимым пушкинским романом
Вошла Захра. Кивнула Нариману
И подошла к Улкер. А он стоял
И словно б все чего-то ожидал.
— Улкер, я книгу Пушкина прочла.
Скажи, что взять еще?
— А ты б взяла
Роман Павленко. Вот он, посмотри.
Вчера сама читала до ари.
— О чем же речь в романе?
— О борьбе.
О нашей молодежи, о тебе,
О том, как мы работаем в полях,
О сокровенных думах и делах.

— Так, значит, в этой книге я найду
Товарищей по мыслям и труду?
— Найдешь, Захра. В романе этом ты
Прочтешь порой и про свои мечты.
— Тогда давайте. —

Смотрит Нариман

На тонкий профиль, на девичий стан.
«Захра, Захра, какой суровый вид!
Не улыбнется мне, не поглядит...
Она с Улкер болтает оживленно,
А я как будто стол или колонна,
Иль камень, что валяется в пыли.
В глазах же лед гордячки Джамили.
Быть может, вместо слабых, жалких слов
Проснулась в ней уверенная сила
И девушка несчастную любовь,
Как я когда-то, в сердце заглушила?»
Костер горит. Но дров не дай костру —
И он погаснет к самому утру.
Любовь — костер. Она без пищи тоже
Святым огнем одна пылать не может.
Он издали любитесь Захрой.
Она, бесспорно, хороша собой.
Так почему с ума его свели
Глаза холодной, гордой Джамили?
Красива та, и эта хороша.
Куда ж сейчас летит его душа?
Он сам теперь, пожалуй, не поймет.
Захра стоит и бровью не ведет.
На парня даже мельком не глядит.
Откуда этот неприступный вид?

Промолвит слово — сердце паренька
Как будто стиснет жаркая рука.
Он смотрит так на девушку сейчас,
Как будто бы увидел в первый раз.
Эх, Нариман! Таковую красоту
Сменял ты на бесплодную мечту.
Ты все вздыхал, ты думал о другой,
А счастье проходило стороной.
Но вот Захра, взглянув ему в лицо,
Прошла с бесстрастным видом на крыльцо.
Дверь, растворясь, захлопнулась со стуком,
И, вздрогнув, он сражен был этим звуком.
С минуту Нариман не мог вздохнуть,
Как будто выстрел грянул парню в грудь.
Захра была с ним холодна — и вот
В нем вдруг произошел переворот.
Давно ли он Захры не замечал,
А тут вдруг побледнел и задрожал.
Да, видно, так устроен человек:
Что трудно, то мы ищем весь свой век,
А что без боя нам принадлежит,
Тем сердце никогда не дорожит.
— Что, Нариман, с дверей не сводишь глаз?
Какую книжку дать тебе сейчас? —
У Наримана огорченный ид,
Он смотрит в пол, вздыхает и молчит.
— Постой, постой, давно ли, как Тайер,
В труде хотел ты показать пример?
И вдруг стоишь с поникшей головой.
Ответь же откровенно, что с тобой?
— Да тут секрета, право, вовсе нет.
Захра мне в прошлый раз дала совет

«Онегина» прочесть.

— Ну что ж, прочти.
Там есть немало мудрого, учти! —
Опять у Наримана скорбный вид,
Опять он вдаль рассеянно глядит,
Опять поник от горестных забот.
Беда. Никак парнишке не везет.
Но для Улкер давно все было ясно:
Он Джамилю любил. Любил напрасно.
Но как-то раз, проснувшись поутру,
Он, видно, вспомнил про свою Захру.
И понял вдруг, что именно она
Любовь и счастье дать ему должна.
Улкер решила:
«Им нельзя мешать.
Он сам путь к счастью должен отыскать!»

* * *

Взяв книгу, Нариман сошел с крыльца.
Сегодня в нем былого молодца
Никто бы не узнал. В тоске, в тревоге
Он молча шел, усталый, по дороге.
Но вдруг у вербы, обогнув ручей,
Он встрепенулся и пошел быстрее.
Он шел вперед знакомою тропой,
Не видя ничего перед собой.
И вдруг у речки вырос перед ним
С приветливой улыбкою Салим.
— Эй, Нариман! Куда спешишь? Постой!
Мне надо побеседовать с тобой.

Мне стыдно, друг, по правде говоря,
Ведь я тебя тогда обидел зря...
Сейчас Захру я встретил у колодца,
Окликнул. Думал, нет, не обернется.
Но, к счастью, я ошибся. И Захра
Была великодушна и добра.
Я у Захры прощенья попросил.
Она простила. Тут же я решил,
Что должен, дружбы прежней не губя,
Пойти просить прощенья у тебя.
Я гадостей наговорил тебе,
Но верь, в тот вечер был я не в себе,
Зазнался я и всем грубил вокруг.
Прости меня, забудь обиду, друг! —
И Нариман товарища простил.
Давно ли сам он также вот просил
Прощенья у Улкер. А вот сейчас
Пред ним Салим не подымает глаз.
Тепло пожатье дружеской руки,
А все что было — право, пустяки!
И он сказал:
— Не огорчайся, брат,
Я был и сам в тот вечер виноват.
И хоть любое оскорбленье — зло,
Но мне оно, признаться, помогло.
Ты правды предо мною не скрывал,
А что подумал, то мне и сказал.
Ты не был трусом, не кривил душой
И не шептался за моей спиной.
— Но, Нариман...
— Оставь, приятель, брось!
Хоть зол я был, но мне на пользу злость.

Порой полезен даже злой щелчок,
Коль после дельный извлечешь урок.
И нет во мне обиды. Я не вру.
Теперь скажи: где видел ты Захру?
— Да на Гек-тепэ¹ в грушевом саду.
— Ну хорошо, спасибо, я пойду. —
Они расстались. Нариман спешил
Найти Захру. Ужель он позабыл
Про Джамилу? Неужто с этих пор
К одной Захре он обращает взор,
Горячий взор, исполненный любви,
Согретый жарким трепетом крови?
Читатель мой! Не спрашивай меня.
Ведь я не грелся у того огня.
И где мне знать, что будет дальше с ними,
С влюбленными героями моими.
Я знаю столько, сколько знаешь ты.
Я чувствую, как новые мечты
Объяли Наримана. Он идет
Сейчас к Захре. Захра его поймет!
И странно, если б та не поняла
Того, кому всю душу отдала.
Дойдя до перекрестка, парень встал.
Он это место тотчас же узнал.
В груди заныла радость и тревога.
Все, все ему напомнила дорога.
Давно ли здесь вечернею порой
Он важно шел с притихшею Захрой?
Захра с мольбой смотрела на него...
А он? Он не сказал ей ничего.

¹ Зеленый холмик.

Ему казался бесконечным путь,
 Он ждал развилка, чтоб скорей свернуть.
 Вот и развилка! Здесь конец пути.
 И он, простившись, поспешил уйти.
 Как раз вот тут, в печали и тревоге,
 Захра одна осталась на дороге.
 Ей было трудно, горько оттого,
 Что он ушел, не молвив ничего.
 А Нариман был расставанью рад,
 Зачем ему был этот нежный взгляд?
 Пренебрегая робкою Захрой,
 Он шел тогда, мечтая о другой.
 А нынче? Что же приключилось с ним?
 Зачем он тут, взволнован, недвижим,
 Стоит и смотрит огорченно вдаль?
 Что на душе у парня за печаль?
 А впрочем, ясно: к человеку вновь,
 Закутавшись в тоску, пришла любовь.
 Он потерялся, побледнел, поник...
 Кто, кто ему поможет в этот миг?
 Еще вчера Захру он избегал,
 Шел рядом с ней и втайне проклинал.
 А вот сегодня, вставши поутру,
 Он всюду ищет милую Захру.
 В чем дело? Сам не знает Нариман.
 О сердце, сердце! Ты как океан.
 Таинственна, бездонна глубина.
 Бездонна ли? Но кто достиг до дна?
 О, я хотел достичь, но с шком слаб,
 А кто достиг на миг оди — хотя б?
 Проникнуть в тайны сердца, все познать —
 Не жаль за это даже жизнь отдать!

О сердце, сердце!
 Если б я сумел
 Познать тебя — я б жизнь не пожалел!
 Я спел бы песнь. Я бы согрел людей
 Горячей, лучшей песнею моей!

ДУМЫ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Ночь Джамиля за книгой провела
 И до полудня нынче проспала.
 Когда ж проснулась, то уже давно
 Смотрело солнце яркое в окно.
 Схватив халат, она поспешно встала.
 К ногам ее скатился с одеяла
 Роман Майн-Рида. Свежий ветерок
 Струил на кожу легкий холодок.
 Она слегка тряхнула головой —
 И прядь волос душистою волной
 Рассыпалась мгновенно по плечам.
 Из сада лился птичий свист и гам.
 В саду источник весело журчал:
 «Вставай, вставай, уж день давно настал!»
 Едва струя, что рождена в горах,
 Коснулась Джамиля, как на щеках
 Две ярких розы вспыхнули огнем
 И будто озарили все кругом.
 Потом из сада узкою тропой
 Она вернулась весело домой
 И, золотым лучом озарена,
 Уселась перед зеркалом одна.
 Задумчиво губами шевеля,
 Расчесывает косы Джамиля

И от трюмо не отрывает глаз.
 Ее никто не видит в этот час.
 Когда она ресницы опускает,
 То кажется, что это опадают
 С поникших роз два нежных лепестка
 И, опускаясь, кружатся слегка...
 В мечтательную грусть погружена,
 О чем сейчас задумалась она?
 Сомнений нет, в ее больших глазах
 Печаль и скорбь о промелькнувших днях.
 Казалось, что с папах крутых вершин
 Туман спустился в тишину долин.
 Откуда ж днем туман? Зачем печаль?
 И почему ей дней ушедших жаль?
 Она старалась провести сравненье
 Меж нынешним своим отображеньем
 И карточкой, которую она
 Повесила когда-то у окна.
 «Ужели я теперь совсем не та?
 Неужто стала меркнуть красота?»
 Она снялась в Баку в тот год, когда
 Прощалась с институтом навсегда.
 Экзамены... диплом... С тех давних пор
 Три раза снег сбегал ручьями с гор...
 В тот день один влюбленный аспирант
 Все, все ей отдал: сердце и талант,
 И жизнь, и душу... А она, смеясь,
 То сердце каблучком втоптала в грязь...
 Как это было? В тот июльский день
 Он следовал за нею словно тень.
 И вдруг, остановивши Джамилу,
 Сказал:

«Я вас без памяти люблю!»
 Но девушка с улыбкою тогда
 Отрезала спокойно:
 «Никогда!»
 Ведь для нее любовь его была
 Не больше, чем жужжащая пчела...
 Но чувства отвергая без смущенья,
 Она любила эти объясненья.
 Ей нравилось вечернею порой
 Шаги влюбленных слышать за спиной.
 Она считала их в тиши аллей
 Овацией в честь красоты своей.
 А письма, что влюбленные писали,
 Ей только самолюбье щекотали.

* * *

Тот вечер Джамиле не позабыть:
 Чтоб аспиранта разом отрезвить,
 Она, рекламу увидав во мгле,
 Свернула быстро в фотоателье.
 Захлопнув дверь, она расхохоталась.
 Ей остроумной выходка казалась.
 Пока она сидит пред объективом,
 Пусть ждет он там в смущенье молчаливом!
 Но аспирант не долго был в смущенье —
 Он злого смеха разгадал значение.
 Нет, ждать не стал он, а, понурился взгляд,
 Он повернулся и пошел назад.
 А карточка студентки молодой
 Всех поразила свежей красотой.
 Фотограф эту карточку потом

Повесил на витрине за стеклом.
А Джамиля, довольная отныне,
Частенько подходила к той витрине
И, стоя у прохожих за спиной,
Все любовалась издали собой.
Прохожие шептали:
«Хороша!»
И девичья тщеславная душа
Невольно замирала. От похвал
В ней каждый нерв, казалось, трепетал.
Четыре года Джамиля жила
Среди улыбок, счастья и тепла.
Жила, не зная никаких забот.
Нет денег — папа тотчас же пришлет,
Пришлет и не забудет написать:
«Что, Ласточка, тебе еще прислать?»
И «Ласточка» однажды написала,
Что скучно жить ей в общежитье стало.
Отец, как страж, всегда был начеку,
Он бросил службу и примчал в Баку.
И вот на лучшей улице столицы
Он снял квартиру ей. И баловница
Жила, не зная никаких лишений,
Ни дня не проводя без развлечений.
Однако правду следует сказать,
Что Джамиля училась лишь на пять.
Способной, ей учение всегда
Давалось без особого труда.
Недаром все ее учителя
Твердили: «Любит книгу Джамиля».
И правда: книгу Джамиля любила,
Она нередко ночи проводила.

За чтением романа. И герой
Владел всецело девичьей душой.
А комсомол? Она в нем состояла.
Однако никогда не принимала
Участия в работе. В месяц раз
Заплатит взнос — и скроется тотчас.
Ее журили, иногда ругали,
Но почему-то вечно всё прощали.
Вот так она училась и жила
Среди улыбок, счастья и тепла.
Любя себя и не любя людей,
Не заимеешь преданных друзей.
Но Джамиля друзей и не искала,
Ей руку друга книга заменяла.
Она была одна, и, право, ей
Не слишком было скучно без друзей.
Лишь дядя с теткой, что в Баку служили,
К ней в выходной порою заходили,
Или она зайдет, бывало, к ним,
К гостеприимным родичам своим.
В любое время, при любой погоде
Всегда одета по последней моде,
К тому же и красива, как на грех, —
Она себя считала выше всех.
Старушка, что сдавала ей квартиру,
И та привыкла, словно к командиру,
К ней относиться, всякое желанье
Бросаясь выполнять без пререканья.
И, помня просьбу и наказания папы,
Она едва ли не на задних лапах
Ходила перед девушкой всегда,
Храня и от забот и от труда.

Она белье ей по ночам стирала.
 Чай по утрам в кровать ей подавала,
 Варила ей обед. Ну ей-же-ей,
 Ходила, как-за дочерью своей!
 И Джамиля такое попеченье
 Обычно принимала без смущенья.
 Она считала, что почет такой
 Ей дан едва ли не самой судьбой,
 Ее всегда и все должны любить.
 А как же может по-иному быть?
 Ее повсюду будет ждать успех.
 Она ведь лучше и красивей всех...

* * *

Но вот, по окончаньи института
 Пришла и к ней тяжелая минута.
 Скончался вдруг отец. И там в селе
 При общей скорби предан был земле.
 Но туча, что на солнце набежала,
 Недели через три уже пропала.
 И Джамиля, забыв свою печаль,
 Смотрела вновь в безоблачную даль.
 Да, коль душа не ведает забот —
 Любое горе стороной пр'идет.
 Ведь с нею с детства нянчились всегда.
 И Джамиля была как та звезда,
 Что постоянно — и зимой и летом —
 Горит красивым, но холодным светом.
 Но вот конец учебы, и она
 Вдруг стала раздражительна, грустна.
 О том, чтоб возвращаться вновь в село,

Ей даже думать было тяжело.
 Нет, ей не улыбалась встреча с домом.
 Казалось, что она перед подъемом
 Стоит сейчас и охает тоскливо
 О том, что к ней судьба несправедлива.
 Живя здесь вольной птичкой на ветке,
 Село она считала тесной клеткой.
 И написала:
 «Мама, брось грустить.
 Я жду тебя. Давай в столице жить!
 В сравнении с деревней город — рай.
 Бросай же, мама, все и приезжай!»
 Но мать ее, сраженная бедой,
 Ответила отчаянной мольбой:
 «Ну как же, дочка, жить мне без села?
 Ведь я весь век в деревне прожила.
 И не забудь, что твой отец родной
 Здесь спит сейчас под каменной плитой.
 Нет, ты меня, старуху, не терзай.
 Ну для чего мне твой столичный рай?
 Поверь, и тут есть радость для души.
 Когда же ты приедешь? Напиши». —
 И дочь, вздохнув, поехала в село.
 Три долгих года с той поры прошло.
 Она живет. Учительствует в школе,
 Но чувствует себя в глухой неволе.
 Чтоб хоть немного позабыть тоску,
 Нужны ей вести, вести из Баку.
 И вот она шлет письма по секрету
 Былому однокурснику Афету.
 И в письмах этих каждая строка —
 Сплошная горечь, злоба и тоска.

Все отрицая и кляня вокруг,
 Она Афету пишет: «Я твой друг».
 Хотя, признаться, в прежние года
 Не замечала парня никогда.
 Теперь же, переписываясь с ним,
 Она зовет Афета «дорогим».
 О, где ты, где ты, милое житье —
 Счастливое студенчество мое?
 Отныне из Баку любой привет
 Она пила, как сладостный шербет.
 Ей думалось, что хуже, чем в селе,
 Нет, кажется, и места на земле.
 И вот теперь пред зеркалом она
 Сидела молчалива и грустна.
 И, проводя по косам гребешком,
 Все думала о давнем, о былом.
 Она старалась провести сравненье
 Меж нынешним своим отображеньем
 И карточкой, которую она
 Повесила когда-то у окна.
 «Ужели я совсем теперь не та?
 Неужто стала меркнуть красота?
 Но нет, я, как и прежде, хороша!
 По-прежнему румяна и свежа!
 Быть может, только стал построжее взгляд
 Да чуть скромнее, может быть, наряд.
 О годы беззаботные мои,
 Вы вдаль умчались, будто соловьи...
 И вот сейчас в глухом селе одна
 Я, как в пустыне, прозябать должна.
 Одна с печалью вечною своей,
 Без музыки, театров и друзей.

Друзья, друзья, я не ценила их,
 Отзывчивых, сердечных и простых...
 И лишь теперь, живя в глухом селе,
 Я знаю цену дружбы на земле!
 Ну, а любовь? Кто может тут меня
 Увлечь теплом сердечного огня?
 Кому вручу я здесь свои мечты?
 Кто тут моей достоин красоты?
 Живу я в нудной, беспросветной мгле,
 Тут все однообразно, скучно, серо,
 Ну разве я найду в глухом селе
 Отважного красавца мустангера?»

* * *

Костюмы, платья, кофты, сарафаны
 Повешены на стулья и диваны.
 Почистив, Джамия их убирает
 Обратно в шкаф. И горестно вздыхает.
 Нет, здесь мои красивые наряды
 Не встретят понимающего взгляда.
 Тут взрослые наивны, словно дети,
 Увы, для них сложны фасоны эти.
 Вон тот панбархат я под праздник шила,
 И пусть я за него переплатила,
 Зато портниха Сакине-ханум
 Не посрамила б и московский ГУМ.
 Припомнив все, задумчива, грустна,
 Она надела дорогое платье.
 И словно к другу нежному в объятья
 Попала в этот сладкий миг она.
 И тут ей показалось, что опять

Вернулась к ней бывая благодать.
 В грудь разом счастье хлынуло само
 И подвело красавицу к трюмо.
 На собственное глянув отраженье,
 Она порозовела от волненья.
 Не торопись грустить, моя душа,
 О, я еще отменно хороша!
 Все совершенство: нос, глаза и рот.
 А платье, платье, как оно идет!
 Часы пробили час, потом второй...
 Она же все любит себя собой.
 «Но я давно в столице не была,
 И, может быть, приехав из села,
 Я б там нашла совсем другие моды:
 Ведь с той поры прошли не дни, а годы...»
 Тень на лицо вдруг снова набежала,
 И радости былой как не бывало.
 Да, трудно жить тому, кому наряды —
 Все в этой жизни: счастье и отрада.
 Такие люди, честно говоря,
 Весь пыл души обычно тратят зря.

ИЗ ЖИЗНИ

— Добрый день, Ул! Не помешаю?
 — Здравствуй, Джамиля! Ну, как дела?
 — Ничего. Тружусь, хожу, читаю,
 Жизнь ни хороша, ни тяжела.
 — Все, подруга, скрытничаешь, прячешь?
 В блеске глаз печальных дум посев.
 — Что скрывать! Тут сложной нет задачи,
 В каждом сердце спит все тот же лев.

— Только своего ты льва ни разу
 Не открыла. Как же нет секрета?
 — Есть звезда, не видимая глазу,
 Но дает земле немало света.
 — Ах, оставь намеки, дорогая!
 Чем, скажи, душа твоя полна?
 Почему всегда ты так грустна?
 — Почему? Сама не понимаю.
 — Приходя сюда, ты никогда
 Не бываешь искренна, открыта.
 Словно ты обижена всегда
 Или на кого-нибудь сердита...
 Только душу грустную твою
 Верь, я знаю, так же как свою.
 — Эх, Улкер; любимая сестрица!
 Жизнь моя проходит как во мгле.
 В этом узком крохотном селе
 Я никак не в силах уместиться.
 Надо ехать в город. Это ясно.
 Никогда в селе мне не везло.
 — Брось, подруга, ты совсем напрасно
 Строишь так брезгливо на село.
 — Ты библиотекарь, рассуждаешь
 Языком романов.
 — Вовсе нет!
 Ты сама их сотнями читаешь,
 Но без пользы, — в этом весь секрет.
 — Стой, Улкер, тебе-то что село?
 Грязь, скучища... Я не понимаю,
 Как тебя в деревню занесло?
 Ты ведь абсолютно городская!
 — В милом все, что плохо иль смешно,

Верь мне, ты не скоро различишь.
 Если ж и заметишь — все равно
 Встретишься и тотчас все простишь.
 — Ладно, ладно, что мне твой пример!
 Лучше дай роман.
 — Какой желаешь?
 — Ах, не стоит спрашивать, Улкер.
 Ты же вкус мой превосходно знаешь!
 — Жаль, что в царстве книг тебе, мой свет,
 Лишь одна тропинка полюбила.
 Только книг таких уж больше нет.
 — Ну, а что же есть, скажи на милость?
 — Книг хороших много, выбирай:
 «Молодая гвардия», «Абай»...
 — Я бы «Честь» Ширван-заде хотела.
 — Этой нет. Зато другая есть.
 Вот Баширов. Пишет ярко, смело,
 И роман, как видишь, тоже «Честь».
 — А про что там?
 — Про колхозный труд
 И про то, как счастье создают.
 — Труд доярки или комбайнера...
 Ну, какой тут может быть секрет?
 Стой, а нет ли у тебя Тагора?
 — К сожаленью, дорожка, нет.
 — Ну, так что мне взять, скажи на милость?
 — Погоди, Ширван-заде писал
 Превосходно. Только он ведь знал
 Прежний мир. А жизнь ведь изменилась.
 И не так относится в наш век
 К слову «честь» свободный человек.
 И зачем ты зря себя морочишь?

— Я? Но чем? Иль ты знаток в сердцах?
 — Нет. Но в книгах тех, что ты приносишь,
 Есть твои пометки на полях,
 Тот, кто пишет: «Где в деревне Овод?»;
 Должен сам, во-первых, Джеммой быть,
 И тогда любой пустячный повод
 Сможет в нем героя разбудить.
 Ты ж пока что, милая моя,
 Только рядовая Джамиля.
 Овод жив. Такого человека
 И сегодня можно отыскать,
 Надо только в ногу с нашим веком
 По дорогам родины шагать.
 Мужество. Да разве нет его
 В нашей мирной, повседневной жизни?
 Мужество горит в груди того,
 Кто судьбу свою вручил отчизне.

ВЕСНА

Зима уходит. Солнечным лучом
 Разбужена безмолвная земля.
 И вот уж первым звонким ручейком
 Забормотали вешние поля..
 Взбухают реки, быстро тает снег,
 Все ярче блещут зори на востоке.
 И, начиная свой веселый бег,
 По горным склонам мчатся вниз потоки.
 Свой влажный груз роняют небеса.
 И воды многотонными валами
 Бегут, ломая на пути леса,
 Ущелья роя и гремя камнями.

К родимым гнездам из далеких стран
 С веселым шумом возвратились птицы.
 Они перелетели океан,
 Чтоб только здесь могли птенцы родиться.
 Весенний ветер зашумел в кустах,
 Дыханьем теплым согревая почки.
 И вот уже душистые листочки
 Зазеленели всюду на ветвях.
 Довольны солнцем куры и цыплята,
 Копают землю посреди дворов.
 А из садов с рассвета до заката
 Несутся песни молодых дроздов.
 Вот попугай под вешним ветерком
 Вниз головой повис на толстой палке
 И, встряхивая алым хохолком,
 Подмигивает удивленной галке.
 Припудрен сад пылью золотой,
 Пчела жужжит над кашкой хлопотливо,
 И, собственной любясь красотой,
 К воде склонилась молодая ива.
 Из веток ивы вырезав свирели,
 Округу дети свистом оглашают.
 А им в ответ из ближнего ущелья
 Чуть слышным эхом горы отвечают:
 «Ах, ива, ива — тонкий голосок,
 В горах растут чудесные цветы,
 Кричат орлы, смеется иекек.
 Здесь хорошо. Иди же к нам и ты...»
 Улкер любила вешнюю природу,
 Живая радость загоралась в ней.
 Она могла б, казалось, год за годом
 Стоять, вдыхая аромат полей.

Весь берег в белом облаке жасмина...
 Цветет миндаль. Какая благодать!
 Глядит Улкер. И от такой картины
 Она не в силах взгляда оторвать.
 Ей нравится смотреть на то, как туча
 Бросает тень на ближние леса
 И как с вершины, вольный и могучий,
 Орел взмывает круто в небеса.
 Ей хочется веселых певчих птиц
 Тотчас же различать по голосам,
 Знать все повадки зайцев и лисиц,
 Карабкаться бесстрашно по горам.
 Встречать рассвет весенний на скале,
 Пить воду из лесного ручейка,
 Все узнавать, все видеть на земле:
 Пшеничный колос, ласточку, жука...
 Чуть видный коршун в вышине кружится,
 Гудит под ветром стройная сосна,
 В гнездо несет соломинку синица,
 Цветут цветы... В поля пришла весна!
 И все-таки зеленым, ярким цветом
 Весна недолго радовала взгляд.
 Сменив ее, пришло в деревню лето.
 Нет на земле для времени преград.
 Уж жарким зноем дышит летний воздух,
 В садах давно осыпались цветы.
 Пищат птенцы, качаясь в легких гнездах,
 На ветках зреют сочные плоды.
 И сколько ни пыталась разгадать
 Улкер секрет природы — все напрасно.
 Ей ничего не удалось узнать:
 Ведь тут нужна учеба, это ясно.

* * *

Рассвет багрянцем крыши озарил.
Улкер шла утром быстро на работу.
И вдруг ударил ветер. Закружил,
Завыл, как будто сотня самолетов.
Разверзлось небо. Гром прогрохотал
Так, словно б гору опрокинул кто-то.
Клен, будто воин, замертво упал,
Вдоль улицы захлопали ворота...
Сады спиною к ветру наклонились,
Буран срывал с них яркую листву.
Пучки соломы в воздухе кружились,
Плоды с деревьев сыпались в траву...
Хвосты у кур раздулись веерами.
Скрипели крыши, ставни и телеги...
А ураган уже бежал полями,
Ломая неокрепшие побеги...
Улкер смотрела с видимой тревогой
На спор, на битву ветра и небес.
Потом поспешно перешла дорогу
И стала возле школы под навес.
Дождь хлынул разом, яростный, звенящий,
Ручьи полезли вмиг из берегов.
Дождь был так част, что по стене гудял.
Казалось, можно лезть до облаков.
Рыдает небо. Слезы льет ручьями.
Вокруг стоит трезвон от тех ручьев.
Покрыв поспешно головы платками,
Хозяйки выбегают из домов.
Они белье намокшее снимают

С веревок и заборов. А потом
Босые на дорогу выбегают
И ребятишек загоняют в дом.

Дождь кончился, и травы поднялись.
Из сада сладкой прелью потянуло...
Густые тучи в небе разошлись,
И солнце снова радостно сверкнуло.
С листвы деревьев сыплется капель
И падает со звоном прямо в лужи.
Дрозд вновь швыряет огневую трель,
И коршун снова в поднебесье кружит...
Цветы воды прохладной напились
И, в ярких серьгах, распрямились, встали.
Стрижи, рядом усевшись на карниз,
О чем-то меж собой зашебетали.
Горит, сияет солнце с высоты,
Все блещет так, что даже больно глазу.
Как будто дождь для большей красоты
Швырнул на землю пригоршни алмазов.
Улкер же этот дождь напомнил вдруг
Тот давний день... Ее приезд в село...
Шел ливень... Было пасмурно вокруг.
Дороги всюду в кашу развезло.
Ее калоша провалилась в грязь.
Захлюпала вода под каблуками.
Тут рослый парень с добрыми глазами
К ней подошел, приветливо смеясь...
И вдруг спросил:
— А что вы здесь стоите?
— Калошу потеряла на пути.

Она застряла в луже, помогите,
 Не то мне до деревни не дойти. —
 Он улыбнулся: — Ишь как не везет!
 Ну ничего, в беде я вас не брошу. —
 Он по дороге чуть прошёл вперед
 И отыскал злосчастную калошу...
 Была слаба, тонка знакомства нить.
 Смутясь, они вдруг оба замолчали.
 Сердца их в такт порывисто стучали,
 Нет, им вовек друг друга не забыть!
 Все, все Улкер припомнила сейчас,
 И право же, что может быть чудесней
 Той встречи. Радость брызнула из глаз
 И полилась широкой, звонкой песней:
 «Тот день был холодным, дождливым,
 Но радость мне душу зажгла.
 В тот день повстречалась я с милым
 И сердце ему отдала.
 Мой друг! Твои нежные речи
 Я слышу ночью порой,
 Ты — песня, ты — месяц, ты — вечер,
 Ты — радуги блеск над землей.
 Я прежде не знала сомненья,
 Не знала ни вздохов, ни слез,
 Но вот ты пришел — и в мгновенье
 Покой мой девичий унес.
 Кто выдумал в мире раку?
 Дождь кончился. Тучи или.
 Что ж радуги нету вдали?
 Друг, где ты? Развей мою муку!»

НАШИ ГОРЫ

В горах с венком цветов на голове
 Шагает май по молодой траве.
 Он то рукой разгладит стебельки,
 То глянет на луга из-под руки.
 Куда с приходом ласковой весны
 Отары перегнали чабаны.
 У них сейчас горячая пора,
 Забот по горло с раннего утра.
 Ведь чтобы стали тучными стада,
 Немало надо приложить труда.
 И вот как в летний зной мелеют реки,
 Так спал поток людей в библиотеке.
 Коли народ почти что весь в горах,
 Кого же встретишь с книгою в руках?
 «Что ж делать мне? —
 Подумала Улкер. —
 Ведь с гор в село не прибежит курьер.
 А книги зря пылиться не должны,
 Когда они читателю нужны.
 Библиотека здесь, а люди — там.
 Но я скучать читателю не дам.
 Без книг беда, но я сломя беда.
 Я к людям в горы с книгами пойду!»
 Бледнеет ночь. За ближнею горой
 Встает рассвет. Росистою тропой
 Улкер шагает к стану напрямик,
 Неся в руках большую связку книг.
 Все лето чабаны стада пасут,
 Нелегкий труд, но благородный труд.
 Там с ними семьи. И до зимних пор

Они не покидают склонов гор.
 Забыв удобства, греясь у костров,
 Подставив лица тысячам ветров,
 Они добро народное хранят
 И лучшей доли, право, не хотят.
 Они душой за каждого ягненка
 Болеют, как за малого ребенка.
 В любой буран они его спасут.
 Да, труд нелегкий, но прекрасный труд!
 Идет Улкер, на молодых плечах
 Большая связка книг. Нелегок путь.
 Ужель сегодня скажет кто-нибудь
 О том, что книга не нужна в горах?
 Есть много книг, в которых с давних пор
 Скрыт аромат моих родимых гор.
 В них шелест листьев, пестрота лугов
 И звон прозрачных, чистых родников.
 И даже дальний журавлиный крик
 Хранят порой страницы славных книг.
 О горы, горы! Вы ль не открывали
 Поэтам удивительные дали?
 Не зря ведь каждый выступ и хребет
 Здесь был не раз восторженно воспет.
 Идет Улкер росистою тропой.
 Горит заря над горною грядой.
 Улкер идет вперед. А с ним вместе
 Шагают в ногу новости и вести.
 С прибытием книг, журналов и газет
 Высоко в горы прибыл новый свет.
 В сосновой роще, меж высоких гор,
 Улкер себе построила шатер.
 И чабаны, как путники к костру,

Все потянулись к этому шатру.
 И вот летит по горным склонам весть:
 «У нас теперь библиотека есть!»
 Да и Улкер здесь важно побывать,
 Она тут сможет многое узнать.
 Увидеть чабанов нелегкий труд,
 Услышать песни, что они поют,
 И с женами их, сидя у костра,
 Беседовать порою до утра.
 Улкер глядит вокруг во все глаза:
 В горах совсем особая краса,
 Особые деревья и цветы,
 Особый воздух, звезды и мечты...

* * *

Мой друг! Ты видел ли Кавказ?
 Бывал ли ты в горах у нас?
 И любовался ли с вершин
 На красоту его долин?
 Здесь по крутым тропам джигиты
 Бесстрашно едут на конях.
 Потоки мчат, гудя сердито
 У нас в горах, у нас в горах...
 Алеет пурпуром восход,
 Смеются пеночки в кустах,
 Козуля прыгнет и замрет
 У нас в горах, у нас в горах...
 Вершины гор, белые, чистые,
 Недвижно замерли в чалмах.
 Вверху — снега, внизу — цветы
 У нас в горах, у нас в горах...

Весной, покинув берега,
Гюрмюк несется, сея страх.
Быстрой коня бежит река
У нас в горах, у нас в горах...

* * *

Однажды на рассвете председатель
Собрался ехать в горы к чабанам.
С ним вместе, как всегда, его приятель,
Седой плечистый дядя Шираслан.
Сев на коней, два друга не спеша
Поехали тропой каменистой,
А горный воздух, ароматный, чистый,
Их обнимал, прохладою дыша.
Приехав в полдень в горы к чабанам,
Друзья овечьи стойла осмотрели.
Потом, давая отдых лошадям,
У родника немного посидели.
У Шахсувара в боковом кармане
Лежал блокнот (он взял его заранее),
Куда вписал все просьбы чабанов:
От кинопередвижки до платков.
Вписав в блокнот все просьбы, председатель
Спросил и сам:
— А ну, скажи, приятель,
Вы почему с отарою так рано
Перебрались сюда с Ярпызбасана? —
Чабан, высокий, статный молодец,
Сказал:
— «Заноза» мучила овец.
— А Маламаз? Там уймища травы!
Но и оттуда скот угнали вы...

— Нет, председатель, извини меня,
Мы там овец пасли четыре дня.
Но слишком была влажною трава,
И мы ушли.

— Чудная голова!

Что за беда, коли трава влажна?

— Ох, не скажи, овце она вредна.

— Постой, постой, а кто тебе сказал?

— Никто. Я это в книге прочитал.

— Какая книга? Ты мне расскажи

Иль лучше даже книгу покажи!

— Не веришь? Посмотри, —

Сказал чабан

И сунул руку в боковой карман...

— Что скажешь, Шираслан?

— Да ничего.

Такой заткнет за пояс хоть кого.

Как видишь, молодые чабаны

Начитаны, упорны и умны.

Ребята к счастью двинул наш колхоз.

Но кто им книги мудрые принес?

Кто научил? Кто подал им пример?

Ты угадал? Конечно же Улкер!

— Да, к нам она приходит каждый день,

Она добра, ей никогда не лень.

К тому же, надо правду вам сказать,

Улкер нас научила уважать

Профессию свою. И каждый тут

Всем сердцем полюбил свой скромный труд. —

С минуту председатель помолчал:

А он, что ж он ребятам этим дал?

Быть может, впрямь Улкер была права?

И тут он вспомнил девичьи слова:
«Не верю я, тут что-нибудь не так,
Неужто вы хорошей книги враг?
Сегодня книгам слава и почет,
Без книг сегодня не уйдешь вперед.
Без книг хозяйство круто не поднять,
И вы о том не можете не знать.
Без книг у нас успехов быть не может,
Один лишь опыт делу не поможет.
Учиться надо. Слышите, учиться!
А не с презрением к книгам относиться!»

ИЗ СЕЛА В ГОРОД

Однажды с книгой на закате дня
Шел Нариман тропинкою зеленой.
И вдруг остановился, удивленный,
Услышав сзади ржание коня.
Увидел он, что старый Шахсувар
Галопом гнал больного Хачадила.
Конь весь дрожал. Он был в поту и в мыле.
Гнев в сердце парня вспыхнул, как пожар.
Нет, ни минуты он не колебался.
Шагнул и путь загородил собой.
Седок был удивлен и попытался
Объехать Наримана стороной.
Но в тот же миг, арык перескочив,
Сердитый лоб упр о наклоня,
Тот снова встал, дорогу преградив,
И за уздечку ухватил коня.
— Сойди с коня! —
Промолвил Нариман.

— Сойти с коня? Ты что же, парень, пьян?
Прошу тебя не забывать, приятель,
Что как ни как, а я тут председатель! —
Но Нариман, нахмуренный и строгий,
Опять сказал:
— Сейчас сойди с коня!
— Послушай, парень, не серди меня!
Я тороплюсь. Уйди с моей дороги!
— Конь болен! —
Нариман сказал сурово.
— Я знаю сам. Но не было другого.
Мне некогда. Ну пропусти скорей.
— Нет, я не дам дороги, хоть убей!
— Да ты пойми, ведь девушка уходит!
Кровь молода, ну вот и колобродит.
Не нравится ей, видишь ли, в селе!
— Да ты о ком?
— О ком? О Джамиле!
Я сам об этом только что узнал.
Пусти! Мне надо девушку вернуть! —
Тоска стрелой вонзилась парню в грудь,
Но, побледнев, он только зубы сжал.
Казалось, что-то ухнуло звеня...
Все тело охватила вдруг усталость...
Но тут глаза он поднял на коня —
И в грудь впиалась второй стрелой жалость.
Что делать? Где ответ ему найти?
В душе смятенье... Ослабели ноги...
— Ну что ты встал скалою на пути?
Я все сказал. Теперь сойди с дороги!
— Нет, не сойду. А ты спешишь напрасно.
Она не возвратится. Это ясно.

Ведь ты ей дядя, значит должен знать,
Что Джамилю бесцельно умолять.

— Мне этот глупый спор надоедает!
Я еду и беглянку возвращу!

— Пусть кто угодно в город удирает,
Но я больную лошадь не пушу!

— Кто здесь хозяин? Я не понимаю.
Ведь я тебя как будто поважней.

— Однако, председатель, за коней
Пока что я в колхозе отвечаю.

— Пусть так! —

Сказал сурово Шахсувар. —

Но только я пока не так уж стар,
Чтоб ты мог даром оскорблять меня.

Ну погоди! — И он сошел с коня.

— Что хочешь делай! —

Нариман сказал

И ласково коня поцеловал.

Весь мокрый, с потемневшею спиной,
Дрожал как в лихорадке вороной.

Стоял и ржал, уздечкою звеня.

Плохой был вид у бедного коня.

Чтоб пот стереть с коня, наш Нариман

Поспешно руку в боковой карман

Засунул вдруг и встыхнул от смущенья:

Его рука достала явленье,

То самое, что он писал когда-то,

Едва не став в колхозе ренегатом.

— Я был глупцом. Зато на этот раз

Я коневода честь не уроню. —

Он заявление скомкал, рассердясь,

И вытер спину потному коню.

* * *

В пути развеяв горечь и тоску,

Беглянка утром прибыла в Баку.

— А, Джамия! Входи, входи, родная! —

Воскликнул дядя, дверь ей отворяя.

Глаза его наполнились слезами.

— Ну как дела? Рассказывай о маме! —

Все в доме гостью разом обступили,

Затискали ее, затормошили.

— О, как тебе мы рады! —

Молвил дядя,

На Джамилю в восторге нежном глядя. —

Приезд твой неожиданный для нас

Дороже всех сюрпризов во сто раз.

— А вы-то, дядя, как?

— Да как сказать...

Вот что-то сердце начало сдавать.

Жаль, о твоём приезде я не знал.

Не то б тебе я просьбу написал.

— Какую просьбу, дядя?

— Да, чтоб ты

Взяла с собою горные цветы.

Вдохнув знакомый аромат лугов,

Я, без сомненья, вновь бы стал здоров.

А, кстати, что с тобою, дорогая?

Быть может, у тебя беда какая?

Ты изменилась, стала вдруг другой...

Нет, в самом деле, дочка, что с тобой? —

«Ты изменилась»... От подобных слов

У Джамии похолодела кровь.

А дядя продолжал:

— Да, ангел мой,
Ты не следишь, как видно, за собой. —
«О, где ты, юность светлая моя?»
Мне дядя намекнул на то, что я
Заметно постарела. Боже мой!
И впрямь я, видно, сделалась другой». —
— Но ты мне, дочка, до сих пор ни слова:
Про маму не сказала.
— Мать здорова...
— А как твои дела?
— Мои дела? —
Смутившись, гостя взгляд свой отвела.
Потом, нахмурясь, продолжала строго:
— Какие уж дела у педагога,
Что, как сова, живет в глуши лесной?
Мечты, безлюдье, скука и покой...
— Так, значит, ты в селе затосковала? —
Племянница, потупившись, молчала.
— А я бы нет. Пошли в село меня —
Я в городе не стал бы жить и дня.
Когда я вспоминаю наши горы
И гордых сосен строгие уборы,
Когда я слышу крики журавлей
И представляю ширь родных полей, —
Вскипают, как река, манят вдаль
В душе моей и радость и печаль...
Порой, вдыхая свежесть ветерка,
Что как на крыльях мчит издалека,
Я всей душой, всем сердцем ощущаю
Дыханье моего родного края...
Нет, мы с тобой друг друга не поймем.
Да разве можно не любить свой дом?

— Не знаю, дядя. Только мне село
Одни лишь огорченья принесло.
Нам жизнь лишь раз дается на земле.
Так для чего же прозябать в селе?
Другое дело — город. Здесь культура,
Здесь музыка, кино, литература...
Ах, дядя! Будь же ласковей со мной.
Прошу, не отсылай меня домой! —
Глаза ее наполнились слезами.
— Ну что ты! —
Дядя замахал руками. —
Ведь ты мой гость... Поверь мне... Я как
с другом...
Мой дом всегда, всегда к твоим услугам!
— Ах, дядя, ты не понял. Я сюда
Не в гости прибыла, а навсегда.
Ведь ты же добрый! Прояви заботу.
Прими в семью и подыщи работу.
— Все это можно, —
Дядя отвечал. —
Однако я никак не ожидал,
Чтоб ты, дочурка, так легко ушла
Навеки из родимого села.
— Чем педагогом с детворой возиться
В глухом селе, так лучше уж в столице
Быть дворником.
— Ах, молвить не шутя,
Ты, Джамиля, совсем еще дитя!
Однако ты со временем поймешь,
Что коль к труду с любовью относиться,
Повсюду счастье светлое найдешь:
И в дальней деревушке и в столице.

— О, это все лишь громкие слова.
 Меня поймет любой столичный житель.
 — Ты, дочка, говоришь как обвинитель,
 В то время как сама же неправа.
 Село и город разделять не надо.
 Они равны. Везде есть славный труд.
 А тем, кто в город из села бегут,
 И в городе, поверь, не слишком рады.
 Скажи, как можно презирать село,
 Когда в нем детство все твое прошло.
 И хлеб жуя, нельзя, в конце концов,
 Смеяться над трудом своих отцов!
 Культура же в понятии твоём
 Похожа на какой-то странный дом:
 В нем нет ни ярких споров, ни веселья,
 Никем в нем не справлялось новоселье.
 Он холоден, он пуст и одиноч,
 В нем в сумерки не брезжит огонек.
 Оградой обнесен со всех концов,
 Он ждет каких-то избранных жильцов.
 Нет, Джамиля, жить так вот в стороне
 Никогда нельзя в своей родной стране.
 Легко, бездумно жить решила ты,
 Везде срывая лишь одни цветы.
 Но я тебе скажу, а ты поверь,
 В свой отчий дом вот так захлопнуть дверь
 Довольно стыдно. Знай, что никогда
 Нет счастья без родимого гнезда.
 — Ах, дядя, хватит зря меня журить!
 Ты лучше молви: как мне поступить?
 — Как поступить? Обрато возвратиться.
 — Нет, милый дядя, это не годится!

Быть на осле — не то что на коне.
 Позорно это. Но позор вдвойне,
 Когда ты, смалодушничав в пути,
 С того осла решишься вдруг сойти.
 — Ну ладно, спорить нам сейчас напрасно.
 В деревню ты не хочешь, это ясно.
 Живи пока у нас. Не возражаю.
 И этот дом считай своим, родная.

* * *

Вот минул год. Весенним ярким днем
 Ризван вернулся в свой родимый дом.
 Ему послушны и комбайн и трактор!
 Ведь он теперь в селе механизатор!
 Когда настала страдная пора,
 Ризван был в поле с раннего утра,
 И рев хлопкоуборочных машин
 Будил с рассветом тишину долин.
 Улкер же просто счастлива была.
 Завидев парня, девушка цвела.
 И как-то раз промолвила, смутясь:
 — Теперь, Ризван, мечта моя сбылась!

СКАЧКИ

Баку. Просторный, светлый ипподром...
 Сегодня скачки. Кони мчат по кругу.
 Все радостно-возбуждены кругом,
 Шумят, кричат, не слушая друг друга.
 Восторг тоской сменяется в груди,
 Огнем пылают молодые лица.

— Ура, «Джейран» несется впереди!
 — А «Колос», «Колос», он летит как птица!
 — Отлично «Хачадиль»! Давай, давай!
 — Да «Хачадиль» твой ворон хромоногий!
 Держу пари, он сдохнет по дороге
 Иль свалится от ветра невзначай!
 — А я держу пари, что во сто крат
 Он всех проворней!
 — Верить ли ушам?
 Да это ж кляча! Ставлю пятьдесят!
 — Что ж, я согласен. Ладно, по рукам!
 — А ты не спорь. Вон видишь «Хачадиль»,
 Споткнувшись, чуть не ткнулся мордой в пыль.
 Да этакое «чемпиона» бега
 Я б не запряг и в старую телегу!
 — А ты постой, не смейся до поры.
 — Чего мне ждать? Любуйтесь, братцы,
 сами! —

От жестких этих слов в душе Захры,
 Казалось, кошка заскреблась когтями.
 Улкер заволновалась:

— Что с конем? —

Ризван ответил:

— Погоди грустить.

Я крепко верю в «Хачадиля». В нем
 Немало сил. Он должен гонимый! —
 Но тут сосед расхохотался вновь.

— Не рано ли? —

Нахмурился Ризван.

— Нет, братец, нет. Ты деньги приготовь,
 Мы славный тост поднимем за «Джейран»! —
 А в стороне за бегом вороного

Еще одна следила пара глаз.
 У «всадника без головы» как раз
 Такой же конь был. Девушка готова
 Была поверить в то, что перед ней
 Мустангер мчал средь выжженных степей.
 Она узнала «Хачадиля» сразу.
 Он так знаком был, так привычен глазу,
 Что ей на миг припомнилось село
 И всё, что было, было и прошло...
 О, сколько раз на этом вороном
 У дома моего молодцевато,
 Вдыхая, ездил Нариман когда-то.
 Но я тогда не думала о нем.
 А вот сейчас он мчится на коне
 И позабыл, конечно, обо мне.
 Она не сводит с «Хачадиля» глаз,
 Порой кричит от радости: ура!
 Когда ж он отстает, она тотчас,
 Бледнея, хмурит брови, как Захра.
 «Я навсегда оставила село,
 Но мне и здесь, увы, не повезло.
 Неужто, в самом деле, может стать,
 Мне вновь в село придется возвращаться.
 Я не в ладах и с дядей. Вот беда!
 На днях мой дядя подал заявление
 И не колеблясь бросил учреждение,
 Решив в деревню ехать навсегда.
 Я не люблю села. А почему?
 Я и сама, пожалуй, не пойму.
 Кто прав: мой дядя или я права?
 Не знаю. Просто кругом голова,
 О, сколько лет я Овода искала!

Я ночи напролет о нем мечтала.
Роман о нем я много раз прочла,
Но только в жизни так и не нашла.
Искала я его в садах зеленых,
И в свете зорь, и в рокоте ветров,
И в блеске звезд, в озерах отраженных,
И в аромате луговых цветов.
Зачем искала я? Чего ждала?
К чему сбежала в город из села?
Да, видимо, Улкер была права:
Не тем моя забита голова!
Я строила свой замок на песке,
Огонь пыталась развести в реке
И силилась добраться до скалы,
Куда взлететь способны лишь орлы.
И хоть часы я на руке носила,
Но в этом толку мало было, право.
Я золотое время упустила,
Гонясь лишь за пустою внешней славой.
Ах, книги, книги! Я любила вас!
Но курс мой был ошибочным подчас
И я плыла неведомо куда,
Не оставляя позади следа.
Мои друзья давно вперед ушли.
Я ж оторвалась от родной земли.
Ах, книги, книги! Веря только вам,
Тянулась я лишь к призрачным мечтам.
А книги лишь тогда не подведут,
Когда ты любишь всей душою труд,
Когда живешь не зря, не как-нибудь.
А ясно видишь свой широкий путь!
Я ж как бездомный ветер на земле:

Ни в городе огромном, ни в селе
Я не нашла заветного пути,
Хотя могла, могла его найти.
Меня любили конюх и ученый,
Но я отвергла шепот их влюбленный.
И, вспыхнув, как холодная звезда,
Я сухо им сказала:
— Никогда!»

Тут «Хачадила», отставший поначалу,
Рванулся вдруг вперед, как ураган.
— Ура! —
Захра в восторге закричала.
— Даешь! —
Воскликнул радостно Ризван.
Сердца стучали бешено в груди.
— Смотрите, он почти что впереди!
Он «Колоса» догнал! Ну, воронок,
Еще рывок, еще один рывок! —
Взглянула Джамиля на вороного,
И щеки разом вспыхнули пунцово.
Она сказала:
— Bravo, мой родной!
Ты, как мустанг, летишь вперед стрелой! —
А Нариман, пригнувшийся к луке,
С камчой короткой, стиснутой в руке.
Лихой джигит! Мустангера любого
Сменять не жалко на орла такого!
Вот «Хачадила» опять рванул вперед...
Соперник сзади... Быстрый поворот...
И вот уж рядом с ним идет «Джейран».
— Отлично! Славно! Bravo, Нариман! —

Ризван шутя толкнул соседа в грудь. —
 Эй, парень, про должок не позабудь! —
 Но тот сказал:
 — Ты слишком быстр и крут.
 Пока что рядом лошади идут! —
 Все ближе финиш... Крики... Топот... Пыль...
 — Вперед, «Джейран»! —
 Кричат в восторге справа.
 А слева слышно:
 — Браво «Хачадиль»!
 Не посрами в столице нашей славы! —
 Но к финишу порывистый «Джейран»
 И «Хачадиль» пришли одновременно.
 С улыбкой спрыгнул наземь Нариман
 И нежно молвил:
 — Друг ты мой бесценный! —
 Вдали оркестр бравурно заиграл,
 Цветы, улыбки, всюду смех и гам.
 Сосед Ризвану весело сказал:
 — Ну что, браток, победа — пополам? —
 Ризван кивнул. И в парке за столом
 Друзья бокалы подняли с вином.
 — За наших победителей! За всех,
 Кто борется за счастье и успех! —
 Улкер, Захра, Ризван — все были там.
 Но Джамиля не подошла к друзьям.
 Ей сердце жгли смущенье и тоска,
 И, опустивши голову слегка,
 Усталая, с печальною душой,
 Она прошла тихонько стороной.

СОДЕРЖАНИЕ

Встреча	3
Первая ночь	9
Легенда о птице Исхак-мусак	13
Первые дни	17
Любовь	28
Заявление	39
В библиотеке	48
Думы	57
Возвращение	60
Эгоист	64
Еще на одну ступень	71
Столкновение	75
Перелом	81
Думы перед зеркалом	91
Из жизни	100
Весна	103
Наши горы	109
Из села в город	114
Скачки	121

Бахтияр Вагаб-заде

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

Редактор *Ибрагим Кэбирли*

Художник *Н. А. Шишловский*
Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *Г. В. Котова*
Корректор *Г. Г. Папандопуло*

Сдано в набор 30/I 1958 г. Подписано
к печати 26/V 1958 г. А 03880. Бумага
70×108¹/₃₂. Печ. л. 4 (5,48). Уч.-изд. л. 5,58
Тираж 5000. Зак № 250. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-9, Б. Гнездинковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

3 р. 30 к.

1
4832